

INSPIRIA

ЛИЛАК МИЛЛС

МАЛЕНЬКАЯ КОНДИТЕРСКАЯ В ТАНГЛВУДЕ

INSPIRIA

Сирсак. Счастливый магазинчик. Лилак Миллс

Лилак Миллс

**Маленькая кондитерская
в Танглвуде**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Миллс Л.

Маленькая кондитерская в Танглвуде / Л. Миллс — «Эксмо»,
2019 — (Cupsake. Счастливый магазинчик. Лилак Миллс)

ISBN 978-5-04-174124-2

В жизни Стиви началась черная полоса: увольнение, любимая бабушка Пегги скончалась, да еще и, попав в аварию, девушка ломает ногу. Но один звонок меняет все. Бабушка оставила Стиви огромное наследство, поэтому она решает воплотить свою мечту и купить причудливую кондитерскую, выставленную на аукцион в живописной деревушке Танглвуд. Правда, это местечко не такое тихое и идеальное, каким кажется на первый взгляд. Стиви знакомится с красивым, но ужасно ворчливым владельцем конюшни. И его причуды - это только начало... «В этой книге есть все, что я хотела. И даже больше!» — NetGalley Первая книга цикла о живописной деревушке Танглвуд! Для поклонников Джули Кэплин, Холли Мартин и Эли Макнамары.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-174124-2

© Миллс Л., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лилак Миллс

Маленькая кондитерская в Танглвуде

Lilac Mills

THE TANGLEWOOD TEA SHOP

Copyright © Lilac Mills, 2019

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency.

Перевод с английского *Дарьи Выскребенцевой*

© Выскребенцева Д., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Стиви не носила ничего черного. Черный ей не шел. Намного удобнее было в белом, в поварском, если быть точнее. Правда, вряд ли стоило приходить на похороны в одежде шеф-повара, не так ли? Хотя она и подозревала, что двоюродная бабушка Пегги оценила бы ее образ, если бы Стиви так оделась.

На глаза наворачивались слезы, она пыталась сдержать их, пока в голове всплывали последние слова Пег.

– Не грусти, дорогая, – сказала Пегги. – Я готова. У меня была долгая и счастливая жизнь. Она для того и существует, чтобы жить и умирать, Стиви. Одного без другого не бывает.

– Тсс, – ответила Стиви. – Ты не умрешь, я тебе не позволю.

Бабушка издала слабый смешок.

– У тебя не будет выбора, милая. А теперь не хандри и сделай мне одолжение.

– Все что угодно. – По лицу Стиви текли слезы.

– У тебя есть только один шанс, так что живи по-своему, иначе я вернусь и буду преследовать тебя.

После этого Пег погрузилась в себя и будто исчезла.

Как я могла не грустить? Стиви задумалась – в двадцатый раз с той ужасной ночи. Пег была ей как бабушка, больше, чем ее родная. «Жаль, что моя мать относится ко всему иначе», – подумала она, украдкой взглянув на женщину, стоящую рядом с ней. Нельзя было сказать, что ее мать грустит, скорее скучает, если быть честной. Хейзел считала организацию похорон Пегги своим долгом. Не более того. Чем-то, что нужно пережить и оставить в прошлом.

На мгновение Стиви невзлюбила свою мать. И в ту же секунду изменила отношение к сестре. Никто из ее родственников не хотел быть здесь (не то чтобы кто-то когда-то *хотел* присутствовать на похоронах), но эти две точно не чувствовали нужным выразить свое почтение, и Стиви подозревала, что все, что они делали, было лишь игрой на публику. В конце концов, никто из них не беспокоился о Пег, пока она была жива, так что с чего вдруг Стиви стоило ждать, что теперь они будут вести себя иначе, когда старая леди умерла. Это было выше ее понимания.

Карен наклонилась к Стиви, и она слабо улыбнулась. По крайней мере, ее подруга беспокоилась о Пег, а ведь она даже не была ее родственницей.

– Прекрасная служба, – прошептала Карен. – Бабушка Пег гордилась бы тобой.

На этот раз слеза все-таки упала. Бабушка все же гордилась ею, не правда ли? Дом престарелых, где Пег прожила последние шесть месяцев, рекомендовал провести службу в часовне по соседству. Стиви не раз задавалась вопросом, не был ли дом престарелых построен рядом с часовней специально для того, чтобы обеспечить преподобному постоянный поток клиентов. Но Стиви выбрала маленькую церковь рядом с бабушкиным домом. Старое здание, скорее, терялось среди многоквартирных домов и офисов, но она знала, что Пегги бывала там время от времени, и всегда на Рождество. Кроме того, нашлись еще один или два человека, которые помнили старую леди и хотели присутствовать на ее похоронах. И не тащиться для этого через пол-Лондона.

Мать только и делала, что ворчала по поводу стоимости услуг похоронных машин, что было странным для Стиви: оплата шла не за мили, а Хейзел платила не из собственного кармана. Пег оставила достаточно денег, чтобы покрыть расходы на свои похороны. Мать Стиви, по крайней мере, была последовательна – признала она. Потому что была недовольна стоимостью всего, особенно цветов. Даже сейчас, Стиви могла поклясться, мать бросала на нее протые, но эффектные испепеляющие взгляды. Стиви оставалась непреклонна – Пегги любила

цветы. Поэтому было решено на них не экономить. Это единственное, что она могла сделать для своей бабушки, и развеять ее прах.

Но она не хотела думать об этом сейчас.

– Вот. – Мать сунула ей в руку носовой платок. – Перестань хлюпать носом.

Стиви взяла его, нахмурившись. Карен обняла подругу за плечи, когда служба подошла к концу и прозвучал последний псалом. Господи, Стиви будет ужасно скучать по этой сварливой старой леди. Что же ей теперь делать субботним утром? С тех пор как Пег была вынуждена жить в доме престарелых из-за ее ухудшающегося здоровья и астении¹, Стиви навещала ее по субботам. Она всегда угощала старую леди одним или двумя гостинцами и меняла ее библиотечную книгу (она брала только одну зараз, потому что из-за слабого зрения Пег приходилось полагаться на других), и Стиви всегда дарила ей букет цветов.

«По крайней мере, мне не придется беспокоиться о ее доме», – подумала Стиви. Достаточно было того, что пришлось разбирать те немногие пожитки, которые Пег взяла с собой в дом престарелых. Честно говоря, когда Пег поняла, что больше не может сама о себе позаботиться (Стиви предложила старой леди переехать к ней, но Пегги была непреклонна и не хотела, чтобы Стиви ухаживала за ней), она уладила свои дела с поразительным проворством. Одна из тех вещей, которые Стиви любила в Пегги, – ее независимость. Если старушка могла сделать что-то сама, она это делала. Ее любимым выражением было: «Я не хочу стать обузой», и оно бесконечно раздражало Стиви. Как будто бабушка Пег могла быть обузой! Жаль только, что остальные члены ее семьи не относились к Пег так же. Ни у матери, ни у сестры, казалось, не было на это времени. Правда, мать часто приглашала ее на рождественский обед и Пасху, но на этом все и заканчивалось – символические жесты, не более того. С тех пор как Пегги переехала в дом престарелых, мать навестила ее всего один раз, а Ферн, насколько Стиви знала, не навещала вовсе. На самом деле ее сестра, казалось, совершенно забыла о существовании их двоюродной бабушки.

Ну вот и все, все кончено. Стиви с ужасом ждала этого дня с тех самых пор, как позвонила заведующая сестринским отделением и сказала, что Пег угасает, и если она хочет попрощаться с ней, то должна приехать как можно скорее. Стиви была рада, что все же оказалась рядом. Держала бабушку за руку, говоря ей, что любит ее, когда старая леди выпускала последний вздох. Единственное, о чем она жалела, так это о том, что не смогла сделать больше. Из-за работы, на которой повара должны были вкалывать неоправданное количество часов, и из-за ресторана, находившегося на другом конце Лондона. Трудно было видеться с Пег чаще чем раз в неделю, по субботам. По крайней мере, Пегги знала, как сильно Стиви любила ее, и это ее утешало.

¹ Постепенно развивающееся психопатологическое расстройство, сопровождающее многие заболевания организма. Астения характеризуется повышенной утомляемостью, проявляется раздражительностью, снижением психической и физической работоспособности. (Здесь и далее прим. ред.)

Глава 2

– Сколько? – Слова прозвучали как сдавленный вопль, когда Стиви забрызгала чаем подбородок. Она с громким стуком уронила чашку на блюдце.

– Не может быть! – Ее глаза расширились от удивления. – Или может?

Довольно старый джентльмен, смотревший на нее поверх не менее старого стола, кивнул, и его глаза заблестели. Он смеялся над ней или ему просто нравилось сообщать хорошие новости? Она отчаянно надеялась на второе. Пожалуйста, пусть это будет правдой!

– Вы уверены, что правильно запомнили имя? Пегги Лэнгтри? – спросила Стиви. Еще один кивок.

– Но у нее не было денег – только на похороны. Она обычно хранила свой «похоронный капитал», как она его называла, в вазе на подоконнике. – Стиви нежно улыбнулась.

– У нее явно было больше денег, чем вы думали, – сухо заметил адвокат.

– А как же мама и Ферн? Только не говорите мне, что она оставила им столько же. – Стиви сглотнула при этой мысли. – Должно быть, она была при деньгах.

Мистер Гантли подался вперед в своем кресле и сцепил ладони, поставив локти на стол, от которого исходил слабый запах нафталина.

– Нет, – торжественно произнес он после долгого молчания.

Стиви ждала объяснений, но он не предпринял никаких попыток продолжить разговор. Постукивая пальцами по столу и покачивая ногой, она спросила:

– *Нет*, она не оставила столько же маме и Ферн, или *нет*, она не была при деньгах?

– Первый вариант. Она оставила другие суммы вашей матери и вашей сестре.

– А, понятно, – сказала Стиви, все еще пребывавшая в состоянии шока, но благодарная, что бабушка Пег тоже что-то им оставила. Кто бы мог подумать, что старая леди стоила столько усилий?

Адвокат откашлялся, и дряблая кожа на его шее еще больше натянулась под завязанным галстуком. Сколько же ему лет? Он напомнил Стиви черепаху, которая жила у нее в детстве. Вытянутая шея рептилии была бесконечным источником интереса. Стиви тыкала его в голову каждый раз, когда сморщенное существо рисковало вылезти из своего панциря только для того, чтобы втянуть голову обратно с такой скоростью, на какую было способно. Мать сказала ей, что Ральф (так странно назвала его Стиви) сбежал. «Медленно уполз – больше похоже на правду», – подумала тогда Стиви, но она все поняла. Она не винила его. Будь она в его шкуре, она бы тоже уползла. Точнее, в его панцире.

На поверхность вырвался легкий истерический смешок. Она подавила его, борясь с желанием ткнуть мистера Гантли в нос, чтобы посмотреть, как поведет себя *его* голова. Стиви представила, как он втягивает и вытягивает голову и его шея прячется за воротником рубашки. Сознывая, что ее мысли блуждают (должно быть, еще от шока), она снова обратила внимание на старого адвоката и обнаружила, что он терпеливо ждет, все еще опершись подбородком на кончики пальцев, со слабой улыбкой на лице. Она покраснела и уставилась на него, как непослушная школьница на директора. Это чувство было ей знакомо, как никому другому. Молчание продолжалось некоторое время, пока она не поняла, что от нее ждут вопроса. Не какого-нибудь *старого доброго* вопроса, а *того самого* вопроса. И Стиви его задала: «Сколько она оставила маме и Ферн?» Адвокат печально покачал головой: «С вашей суммой и не сравнится. Тысяча фунтов. Каждой».

– Черт побери! – Стиви поднесла руку ко рту. – Ох, извините, – добавила она, гадая, как скоро семья потребует свою долю ее весьма неплохой добычи. Она не собиралась ругаться, но он сказал «каждой», как будто это могло улучшить положение вещей. Ее мать и сестра придут в бешенство. Ей придется разделить свое наследство ровно на три части, иначе они никогда

не успокоятся. Тысяча чертей! Не то чтобы она была жадной или что-то в этом роде, но в нынешних обстоятельствах деньги могли стать хорошим подспорьем.

– Столько всего нужно переварить, – сказала она, пытаясь оправдаться за плохие манеры.

– Несомненно, – сдержанно добавил мистер Гантли, поднимая очки и пряча дужки за большими волосатыми ушами. Он перевернул несколько страниц.

– Позвольте мне объяснить для ясности, – продолжил он. – Пегги Лэнгтри оставила вам двести шестьдесят три тысячи двадцать один фунт и пятьдесят семь пенсов. Плюс-минус, – добавил он. – Миссис Тейлор и миссис Чок получают по тысяче фунтов. А если вы попытаетесь передать что-нибудь из своего наследства миссис Тейлор или миссис Чок, то его получит кошачий приют, – лаконично добавил адвокат.

– Но, но... мне мало не покажется, – запричитала Стиви. – Почему бабушка Пегги так поступила с мамой и Ферн?

Мистер Гантли потянулся через стол и похлопал ее по руке.

– Я не посвящен в мотивы покойной Пегги Лэнгтри, но, возможно, она считала, что вы заслуживаете этого больше, чем они. Или, может быть, она думала, что вам это принесет больше пользы.

– Она не ошиблась, – сказала Стиви. – Я только что потеряла работу.

– Сочувствую. В таком случае наследство пришло к вам в самое благоприятное время, – сказал мистер Гантли.

– Меня сбил лондонский двухэтажный автобус. Красный.

Губы старика дрогнули.

– Да-да, я слышала все анекдоты о гонках наперегонки с автобусом и попаданием под колеса, – сказала Стиви.

– Вы ушиблись?

– Я сломала ногу.

– А вы везучая.

– Везучая? Ха! Я бы не назвала попадание под автобус везением. Здесь нет никакого везения. – Стиви понимала, что начинает заговариваться, но она не могла остановиться. Должно быть, у нее все еще был шок.

– Я хочу сказать, что могло быть гораздо хуже, – добавил мистер Гантли. Он посмотрел на часы.

– Нет, не могло! Я потеряла работу. – Ее глаза наполнились слезами, она порылась в своей огромной сумке в поисках салфетки, вместо нужной упаковки ее пальцы схватили рулон туалетной бумаги. Сойдет.

Мистер Гантли нахмурился, когда она не закончила фразу, и молча протянул коробку с салфетками, стоявшую на столе. Она взяла парочку – всяко лучше, чем туалетная бумага. Хотя теперь, имея в банке более двухсот пятидесяти тысяч фунтов, она могла себе позволить порадовать себя парой коробок салфеток. Стиви высморкалась.

– Корки сказал, что должен меня отпустить.

– Корки?

– Корки Миддлтон. Вы, должно быть, о нем слышали?

Мистер Гантли покачал головой. Мягкие складки кожи под его подбородком задрожали.

– Корки Миддлтон, владелец «Дыни», все время крутят по телевизору? – настаивала Стиви, игнорируя второй, нарочитый взгляд адвоката.

– Боюсь, что нет, – сказал он, со скрипом поднимаясь со стула. С немалым усилием он поднялся на ноги и несколько секунд пытался поймать равновесие.

– Это всего лишь самый знаменитый ресторан с мишленовской звездой в Лондоне, – сказала она, поворачиваясь на стуле, чтобы посмотреть, как старик идет к двери. – Когда я получила эту работу, я была слишком наивна, полагая, что теперь у меня все схвачено. О, это,

должно быть, рассмешило богов, – горько добавила она. – Я кондитер, и к тому же чертовски хороший, но мерзкий Корки уволил меня только потому, что я сломала ногу!

Стиви не двинулась с места.

– Извините, но у меня назначена еще одна встреча, – адвокат открыл дверь и фыркнул. – Простите, чуть не забыл.

Он вернулся к своему столу и принялся рыться в разных лежащих на нем вещах, заглядывая под конверты и поднимая листовки с рекламой доставки пиццы. Стиви не поняла, то ли это его кожа издавала сухой, шуршащий звук, то ли разнокалиберные бумаги.

– Я очень скучаю по ней, – сказала Стиви, высморкавшись в уже промокший ком из салфеток. – Извините, я не хочу плакать, но ничего не могу с собой поделать. Оно само подступает, понимаете? – Она помолчала, наморщила нос и посмотрела на него поверх салфетки. – Вы уверены, что Пегги оставила наследство мне?

– Совершенно уверен. Вот. – Он нашел то, что искал, и протянул ей.

Она уставилась на нетронутый кремовый конверт в своей руке.

– Это ее последняя воля и завещание? – озадаченно спросила она. Несомненно, он придерживался одного мнения.

– Это письмо от вашей бабушки.

– Да. Конечно. Так и есть. – Стиви ничуть не удивилась. – Она написала его до или после смерти?

На секунду у нее мелькнула безумная мысль, что слова бабушки о преследовании Стиви после смерти Пегги сбылись. Мистер Гантли поднял свои густые брови.

– Извините, – пробормотала Стиви, приходя в себя. – Спасибо за помощь.

– Через несколько дней я подготовлю документы на подпись, и мы сможем перевести деньги на ваш счет, – сказал он. Адвокат вернулся к своим делам, и Стиви пришлось откланяться. Прижимая письмо к груди, она поднялась на ноги, но, прежде чем уйти, обернулась к пожилому человеку, сидевшему в этом старом и пыльном кабинете, и заколебалась.

– Да, – подтвердил он, зная, о чем она собирается спросить. – Двести шестьдесят три тысячи двадцать один фунт и пятьдесят семь пенсов. Наслаждайтесь.

Глава 3

«Моя дорогая Стиви, – начиналось письмо. – Я умерла».

«Знаю, – печально подумала Стиви. – Я была на твоих похоронах».

«Ты получишь почти все мои деньги».

«И это я тоже знаю. Поверенный рассказал мне, но чего он не сказал – так это почему», – подумала она.

«Ты удивляешься почему».

В яблочко, бабушка Пегги. Ты всегда была хитрой старушкой. Стиви улыбнулась, вспомнив любимые черты – длинные белые волосы, фиолетовые ботинки на шнуровке, ярко-розовая джинсовая куртка (где, черт возьми, она умудрилась ее раздобыть?) и тележка из супермаркета с плюшевой кошкой на детском сиденье. Благослови ее Господь, но она была довольно эксцентрична... или безумна, в зависимости от того, как посмотреть.

«Потому что ты этого заслуживаешь. И нуждаешься в этом. Теперь я знаю, о чем ты думаешь. Что эти деньги не сделают тебя счастливее, но, по крайней мере, они могут облегчить тебе жизнь. Все, о чем я тебя прошу, – используй их с умом и не растрачивай на безделушки и штукенции».

Штукенции? Что, черт возьми, за штуkenции? И кто сказал, что деньги не могут сделать тебя счастливее? Люди с кучей этого добра, вот кто.

«Сделай что-нибудь, чего бы ты никогда не смогла позволить себе до этого».

Да, например, путешествовать с рюкзаком по Австралии, или провести три месяца на Карибах, или купить BMW-кабриолет, или... Возможности бесконечны. Впервые после похорон волнение скрутило Стиви живот, посылая легкий трепет вверх по груди.

«Да! Я точно знаю, что происходит у тебя в голове, и называю такие вещи расточительством. Тебе не о чем будет беспокоиться, как только ты их потратишь».

Стиви со вздохом оторвалась от письма. М-да уж... как будто бы весь груз пьяных воспоминаний, новая машина, великолепный загар и дизайнерский гардероб были ничем. «Эй, может быть, Стив снова заинтересуется мной», – подумала она. Причин оставаться несчастной не осталось. Стив и Стиви – звучит как объявление номера двух дрэг-квин². Так она всегда думала.

Она вернулась к письму со смешанными чувствами неохоты и комфорта. Читая его, она чувствовала себя так, словно ее покойная бабушка была у нее в голове и могла читать ее мысли.

«И не думай снова куртизировать с этим мальчиком Стивеном. Он в твоём прошлом, и там он и должен остаться».

Куртизировать? Что это за слово? Если только это не был старомодный способ сказать, что два человека дружат в горизонтальной плоскости.

«Пожалуйста, используй деньги, следуя своему сердцу. Я знаю, что ты потратишь их с умом. Я безоговорочно верю в тебя. Ты всегда была моей любимицей. Я знаю, что не должна так говорить, но это правда. Я любила тебя как внуку и всегда буду любить, где бы я сейчас ни была. Твоя любящая бабушка Пегги».

На последнем абзаце Стиви не выдержала. Она отложила письмо, наклонилась вперед, сложила руки на столе и разрыдалась. Несмотря на то что она будто чувствовала ладонь Пегги на своем плече, Стиви знала, что ее бабушка действительно умерла.

Ее рыдания перешли во всхлипывания и сопение. Стиви безмолвно поблагодарила бабушку за великодушие и задумалась, как она объяснит Хейзел получение наследства. Ей при-

² Дрэг-квин (англ. *Drag queen*) – сленговое выражение, используемое для обозначения артистов мужского пола, которые переодеваются в женскую одежду.

дется рассказать матери о том, что натворила Пег, а ей этого совсем не хотелось. Хейзел Тейлор не была плохой женщиной, просто она не одобряла бабушку. Пег так и не вышла замуж, шарики у нее полностью заехали за ролики, и жила она в доме, полном кошек, вплоть до того дня, когда ей пришлось переехать в жилой дом на Стэнли-роуд. Ах да, и у нее было действительно странное чувство стиля. Мать Стиви категорически не одобряла эксцентричность бабушки и часто со злорадным наслаждением рассказывала, что Пег побывала то в образе мадам в стрип-клубе, то в образе кошки-взломщицы, когда работала в шикарном отеле, то позировала обнаженной для журнала. Стиви как-то спросила мать, что это значит, и Хейзел, с отвращением сморщив нос, прошипела: «*Порнушница*». Хейзел постоянно сравнивала довольно легкомысленную Стиви с Пегги (разумеется, не из-за *порнухи* и не из-за кошки-взломщицы), и Стиви подумала, что если у ее матери и есть любимый ребенок, то уж точно не она. В каком-то смысле Стиви не могла ее винить. Ферн, которая была на четыре года старше, всегда была примадонной, и, похоже, ее возмущала необходимость делить мать с визжащим, краснолицым младенцем, которым была Стиви. Судя по всему, Ферн была образцовым ребенком, спокойно спала по ночам с самого первого дня, никогда не плакала и была так хороша, что Хейзел даже не подозревала о ее присутствии. О присутствии Стиви мать знала всегда! Стиви, по словам матери, почти не спала и все время плакала без всякой видимой причины. Она доводила мать до безумия, как часто говорила юной Стиви. Ферн же была очаровательной. Очень очаровательной. Настолько очаровательной, как если бы Стиви купила лотерейный билет, а выиграла главный приз Ферн. Подобный вид очарования привел Ферн к победе в тот единственный раз, когда она приняла участие в игре; к получению РРІ³ кэшбэка, хотя ни разу в жизни она не брала кредит; к получению хорошей компенсации в иске о дискриминации по половому признаку, когда выяснилось, что мужчины на работе получали больше, чем она. То самое очарование.

И дело было не только в деньгах. Сестры были полными противоположностями. Ферн любила школу, Стиви ее ненавидела. Ферн играла в куклы, Стиви лазила по деревьям и чаще всего падала с них и что-то ломала. Ферн была Мэри⁴ в рождественском спектакле подготовительного класса, Стиви была одной половиной осла – не очень приятной половиной, уткнувшейся носом в пухлую задницу Найджела Хемминга. Осла быстро пришлось уводить с импровизированной сцены, когда Стиви упорно начала громко сыпать горох и влиять ослиным хвостом. Ферн всегда сдавала домашнее задание вовремя, Стиви утверждала, что ее задание съела собака («но у тебя же нет собаки!»). На этом список не заканчивался.

Когда девочки подросли, сестра Стиви поняла, что она хочет выйти замуж и завести детей. Ферн очень быстро нашла мужской материал в виде Деррика Чока («все мои друзья называли меня Дезза» – пюрезза!), устроила традиционную свадьбу в белом платье. Со Стиви, выступающей в качестве гостя в роли розового беже. И без какой-либо суеты приступила к производству двух дочерей. Старшую звали Джейд, а следующую появившуюся на свет маленькую Чок называли Мейси, и, по-видимому, обе они были так же совершенны, как и их мать. А еще была Стиви – безработная, бездомная и без друзей. Безработная – из-за этого дурацкого автобуса. Бездомная – так как была безработной и не могла вносить свою долю арендной платы за космически дорогую квартиру, которую делила с четырьмя другими людьми. Без друзей – потому что Стив был задницей. Поэтому Стиви временно переехала к матери и начала искать работу.

Вообще-то ей давно пора было начать искать работу, нога ее почти зажила, а, давайте посмотрим правде в глаза, двести пятьдесят тысяч фунтов – это не та сумма, на которую можно

³ Индекс цен производителей РРІ (от англ. *Producer Price Index*).

⁴ Вероятно, речь о главной героине американского фильма «Рождество с Мэри» (2002), девятилетней девочке Мэри. Спектакль ставился по сюжету фильма.

прожить всю оставшуюся жизнь, не так ли? И как только она найдет работу, следующее, что ей нужно будет сделать, – это найти собственное жилье.

Стиви, довольная своим разумным решением, приступила к поиску работы. Но позже кое-что произошло, когда она убирала драгоценное письмо в «коробку памяти», где хранила важные вещи, такие как крошечная окаменелость, найденная однажды во время отпуска в Корнуолле, украденная прядь волос Стива и самая первая открытка на День святого Валентина (давайте оставим это в тайне, в то время ей было двадцать три). На обороте письма она заметила постскриптум.

«P.S. Не грусти. Я не бросила тебя, хотя, возможно, тебе так кажется. И не забывай, что на небе и на земле существуют и другие вещи...»

«Так о чем же болтала старая летучая мышь?» – с нежностью спросила себя Стиви и бережно убрала письмо, грустная улыбка озарила ее лицо.

Глава 4

Карен была лучшей подругой Стиви еще со школьной скамьи. Она была миниатюрной, темноволосой, хорошенькой, с ней было очень весело, и она говорила все как есть. Никакой лести или лжи. Если Стиви была похожа на кашку в конфетной обертке – Карен ей об этом говорила. Если Стиви унаследует двести шестьдесят три тысячи фунтов и не будет знать, что с ними делать, Карен тоже будет иметь на этот счет свое мнение.

– Ты счастливая, счастливая, счастливая телка, – пропела Карен, делая большой глоток вина. Затаив дыхание, Стиви ждала совета, который изменит ее жизнь. Вместо этого все, что она получила, – это еще один припев «счастливая, счастливая телка» и в завершение – «я тебя ненавижу».

– И что мне с этим делать? – Стиви заскулила.

– Ой, да ладно тебе! Не могу поверить, что у тебя нет никаких идей. Ты молода, свободна, хороша собой – иди и трать! Наслаждайся!

– Так мне сказал адвокат, – мрачно заметила Стиви.

– Если это причинит тебе столько горя, отдай все маме. Возможно, она этого не заслуживает, но ей пришлось смириться с тобой в ее доме.

– Я не виновата, что попала под автобус, а потом потеряла работу и парня! – запротестовала Стиви, ее щеки порозовели от негодования. Стиви увидела, как Карен прикусила губу, чтобы не рассмеяться, и прищурилась, глядя на подругу.

Допив свой напиток, Стиви порылась в кармане джинсов.

– Хочешь еще? – спросила она. – Полагаю, выпивка за мой счет.

– Совершенно верно. – Карен протянула бокал Стиви. – Мне двойной.

Пока Стиви ждала, что ей нальют пинту (не слишком изысканного вина), она разглядывала содержимое сумочки, чувствуя себя одним из тех бизнесменов, которые богаты на бумаге, но не имеют ни пенни на счету. Она наскребла десять фунтов пятьдесят, за которыми бармен протягивал руку, и отсчитала мелочь в его протянутую в ожидании ладонь. Если они с Карен останутся еще на один раунд, ей придется спросить, не возьмет ли он дебетовую карту. Потом ей придется с тревогой ждать, примет ли банк транзакцию, потому что деньги Пегги еще не перечислили.

– Для начала тебе нужно сделать прическу, – предложила Карен, когда Стиви вернулась с напитками.

– Почему? Что не так с моими волосами?

– Ты не стриглась с двенадцати лет.

– Я люблю длинные волосы.

– Как говорит моя мама, у тебя такой вид, будто тебя протащили сквозь живую изгородь задом наперед.

Стиви наклонилась, порылась в своей гигантской сумке, достала резинку и принялась распутывать волосы, пока ей не удалось справиться с ними.

– Лучше? – спросила она, поворачивая туда-сюда голову, чтобы продемонстрировать свой хвостик.

– Стрижка, – фыркнула Карен.

– Но...

– Никаких «но». Отрежь примерно вот столько. – Карен ткнула Стиви чуть выше груди.

– Ой!

– И сделай какие-нибудь акценты, или обратное мелирование, или добавь что-то, чтобы волосы не выглядели такими... морковными.

– Морковными, – невозмутимо повторила Стиви. Ладно, в школе ее называли «рыжи-ком», но с тех пор цвет немного потускнел.

– И вложи деньги в приличный выпрямитель волос, – добавила Карен. – Ты удивишься, насколько сексуальнее будешь выглядеть без пуш... кудряшек.

– Как ты хотела их назвать? – спросила Стиви. И Карен покраснела.

– Послушай, цыпленок, я говорю это сейчас только потому, что у тебя есть деньги, чтобы как-то повлиять на ситуацию. Выглядеть хорошо стоит целое состояние. – Карен тряхнула блестящими темными локонами, и у Стиви зачесались руки найти ножницы. – Раньше ты не могла себе этого позволить. Черт возьми, ты едва ли могла позволить себе платить за квартиру, когда этот никчемный парень все время выжимал из тебя все соки. Побалуй себя, ты этого достойна.

Стиви знала, что Карен пытается помочь, но ее немного раздражало то, что она только сейчас узнала правду о своих волосах. Карен могла бы сказать об этом раньше и не позволять Стиви разгуливать, думая, что она выглядит нормально.

– Что-нибудь еще? – спросила она сквозь стиснутые зубы.

– Раз уж ты заговорила об этом, как насчет новой одежды? У тебя великолепная фигура. Тебе следует чаще демонстрировать ее.

– Возможности не было, – запротестовала Стиви. – Обычно я в белом костюме шеф-повара.

– Посмотри на себя: изгибы во всех нужных местах, и их много. Скрывать такое – преступление. – Карен многозначительно оглядела подругу с головы до пят. Стиви опустила глаза на свои джинсы и мешковатую толстовку.

– Это единственные чистые вещи, которые я смогла найти.

– Вот именно! Стало быть, тебе нужна новая одежда.

– Стало быть? Бабушка Пег предупредила меня, чтобы я не тратила деньги впустую, – заметила Стиви.

– Тратить немного на себя – это не расточительство. Это инвестиции в будущее.

– Какое будущее? – Она жила изо дня в день, просто радуясь, что время между завтраком и сном прошло без каких-либо серьезных накладок, и почти не думала о будущем, хотя мечтала когда-нибудь обзавестись собственным рестораном и прославиться на телевидении, как Корки Миддлтон.

– Твое... – Карен остановилась и ахнула. – У меня есть идея!

Стиви не выглядела особо впечатленной.

– Разве ты не хочешь услышать, что я придумала? – спросила Карен.

– Продолжай. Если нужно, – последовал нелюбезный ответ.

Карен проигнорировала тон Стиви.

– А почему бы и не обзавестись собственным домом? – воскликнула она с видом человека, который только что вытащил кролика из шляпы и крикнул: «Та-да!»

– Что? Съехать от мамы? Я собираюсь это сделать, но не сейчас, пока не найду другую работу, и, во всяком случае, иногда я сама стираю и глажу; мне не нужно много платить за квартиру; я...

– Заткнись на минутку, – перебила ее Карен. – Я имею в виду, открыть свой собственный ресторан.

– О да, и какой дурак позволит мне это сделать? Необходимо пробиваться, карабкаясь по карьерной лестнице, и я только на полпути. Не похоже, что в ближайшем будущем я продвинусь далеко, – ответила она и весело добавила – Всегда есть «Макдоналдс». Хочешь жареной картошки? – прошептала Стиви.

Карен раздраженно покачала головой и подалась вперед.

– Вот. Для. Чего. Ты. Используешь. Деньги, – произнесла она очень, очень медленно, словно разговаривала с ребенком.

Стрела наконец-то достигла цели.

– О, я понимаю, что ты имеешь в виду. Да! Да, я могла бы, разве нет? О нет, нет, я не могу. Чтобы открыть и запустить ресторан, потребуется гораздо больше двухсот шестидесяти трех тысяч, не говоря уже о том, что у меня нет опыта ведения бизнеса и я буду профаном во всей этой ерунде с наймами и увольнениями. И где будет ресторан? Я не могу позволить себе даже сарай в Лондоне, и мне придется потратить много времени на то, чтобы отточить основные блюда и все такое, потому что уже целую вечность я в основном занимаюсь выпечкой и...

– Тихо, – твердо сказала Карен. Стиви сделала, как ей велели. – Думай поменьше, – проинструктировала Карен, затем откинулась на спинку кресла.

– Что значит «меньше»? Магазин рыбы и чипсов? Передвижной бургер-фургон? Кафе? Кондитерская? Кондитерская... Кондитерская! Вот именно!

Стиви с сияющими глазами вскочила на ноги и раскинула руки.

– Да! Да! – воскликнула она, закружившись во внезапном вдохновении, не подозревая, что все гости паба замолчали и неподвижно уставились на нее. Карен едва успела ответить на замечание, прозвучавшее из-за соседнего столика («У нее что, припадок?»), как случилось неизбежное. Стиви выбила пинту из рук мужчины, стоявшего позади нее и счастливо занимавшегося своими делами. Она отправила стакан в полет на добрых десять футов, он описал дугу в воздухе и обрызгал всех бледно-золотистым содержимым.

– О боже. Простите, простите. – Стиви порылась в сумке и вытащила кусок туалетной бумаги, не обращая внимания на раздраженное выражение лица человека, чей напиток она отправила на околоземную орбиту. Она безуспешно промокнула его голову теперь уже очень мокрым куском бумаги.

– Давай. Нам пора уходить. – Карен схватила ее за руку и потащила к выходу. Стиви не переставала извиняться, проходя через весь паб, пока подруга не вывела ее на улицу. Стиви замолчала и уставилась на Карен. Карен бесстрастно вытаращилась в ответ.

– Значит, это была хорошая идея? – наконец спросила Карен.

– Может быть. Не уверена, – ответила Стиви, закусив губу, затем она озорно улыбнулась. – Да. Это блестящая идея.

Карен игриво шлепнула ее по голове.

– Давай. Столько всего нужно спланировать.

Она уверенно зашагала. Стиви последовала за ней, стараясь не наступать на трещины на асфальте, и пританцовывала, переполненная возбуждением. На заметку: ей все еще предстоял неприятный разговор с матерью и сестрой о своем наследстве. И она все еще ни капельки не была к нему готова.

Глава 5

– Мам? – Стиви бочком протиснулась в кухню, слыша в своем голосе нервный писк, но ничего не могла с этим поделать.

– Что, Стиви? Я очень спешу.

– Ты собираешься встретиться с адвокатом. Я знаю.

– Я удивлена, почему он не захотел увидеть и тебя. То есть он попросил, чтобы мы с Ферн были там.

– Эм-м... да... насчет этого...

– Конечно, я не виню твою бабушку. Никто не хочет видеть, как их с трудом заработанные деньги растрачивают впустую.

И снова это слово – «растрачивают».

– Не бери в голову, я не хочу, чтобы ты голодала, – добавила мать с щедростью. – Итак, что ты хотела, потому что я опоздаю.

Стиви раздумывала, стоит ли рассказать обо всем матери и не позволить ли мистеру Гантли сделать за нее всю грязную работу. Однако у нее было предчувствие, что она может всерьез пожалеть, если позволит матери остаться в неведении. Поэтому она собрала всю волю в кулак и выпалила:

– Она оставила его мне.

– Что оставила, дорогая? Куда, ох, куда же я положила ключи?

Хейзел оглядела кухонную столешницу, похлопывая по карманам своего плаща.

– Деньги. Бабушка Пег. Она оставила их мне.

– О чем ты говоришь, дорогая? Будь любезна, посмотри, сможешь ли ты найти мои ключи. Я могу поклясться, что оставила их здесь. Вчера вечером я пришла домой с урока по аранжировке цветов, сняла пальто, положила... Я знаю! В ванной! Мне пришлось срочно забежать в туалет. Должно быть, я оставила их там. Не могла бы ты сходить за ними?

– Ладно, но послушай, мам. Вчера я разговаривала с адвокатом. Он хотел видеть меня. Бабушка Пег оставила мне практически все. – С этими словами Стиви развернулась и бросилась к лестнице, вбежала в ванную и захлопнула за собой дверь. Ключи матери лежали на краю умывальника. Стиви прижала их к груди, прислушиваясь к звукам. Тишина. Через минуту или две она рискнула открыть дверь и высунула голову. По-прежнему тишина. Все было тихо, когда она на цыпочках пересекла лестничную площадку, и спокойствие сохранялось, пока она спускалась по лестнице. Мать ждала ее на том же месте, где Стиви ее оставила.

– Я как раз собиралась послать поисковую группу. Подумала, что ты, должно быть, упала в воду. Мои ключи? – Хейзел протянула руку.

– Ты слышала, что я сказала, мам?

– Хм? – Теперь мать копалась в сумке в поисках чего-то еще.

– О завещании бабушки Пег? – настаивала Стиви.

– А что с ним?

– Она оставила мне почти все.

– Очень смешно, дорогая. – Хейзел явно не воспринимала новость всерьез.

– Мам! – Стиви сделала пару шагов вперед и остановилась прямо перед ней. – Это правда. Вчера мистер Гантли хотел меня видеть.

Хейзел прищурилась.

– Ты ничего не говорила.

– Я думала, что ты тоже там будешь, а тебя не было, и он сказал, что бабушка Пег завещала мне все, кроме тысячи фунтов, предназначенных тебе и Ферн.

– Держу пари, что нет! Надеюсь, ты сказала ему, что бабушка Пег поступила нечестно и наследство следует разделить на три равные части.

«Ты запела по-другому, – подумала Стиви. – Минуту назад, когда вы предполагали, что наследство бабушки Пегги будет разделено между вами с Ферн, вы ничего не говорили о честном разделении, не правда ли?» – продолжила она про себя.

– Да, – вздохнула Стиви. – Без шансов.

– Что значит «без шансов»?

– Если я попытаюсь отдать свою часть тебе или Ферн, то все направят в кошачий приют – так сказал мистер Гантли.

– О, что он знает? Это твои деньги, ты можешь дать их, кому пожелаешь.

– По-видимому, нет.

Хейзел уперла руки в бока и сжала губы в прямую линию.

– Почему тебе? – спросила она.

Стиви пожала плечами. Она ни в коем случае не собиралась разглашать содержание письма, которое получила от бабушки Пег, или доверить матери свою собственную обоснованную догадку, что это может быть потому, что Стиви действительно заботилась о старой леди, а ее мать абсолютно о ней не беспокоилась.

– Значит, ты получаешь все, не так ли? – спросила Хейзел, шуря глаза.

Стиви снова пожала плечами, не желая вступать в спор и не понимая, как ей этого избежать.

– А мы с твоей сестрой получаем по тысяче каждая? – спросила мать, постукивая ногой. Стиви кивнула.

– Неблагодарная старая летучая мышь! – Хейзел покачала головой. – После всего, что я для нее сделала.

Стиви хотела спросить, что именно ее мать сделала для бабушки Пег, но благоразумно промолчала.

– Интересно, что скажет по этому поводу Ферн? – продолжила Хейзел. – Она хочет пристройку.

«Ферн всегда чего-то хочет», – подумала Стиви. Она никогда не довольствуется тем, что имеет, и вечно ищет очередное быстрое решение: «если бы у меня была гидромассажная ванна лучшей комплектации, я была бы счастлива; если бы я только могла прикоснуться к новому холодильнику фирмы Smeg, который делает практически все, чуть ли не гладит одежду, я была бы счастлива» и все такое. Но ее новые приобретения никогда не радовали Ферн. Как только она их получала, то сразу же забывала о том, чего так отчаянно хотела, и переключалась на что-нибудь новенькое, что просто обязана была иметь. За последние пару месяцев она благоустроила сад, а теперь заговорила о пристройке.

– Ферн может говорить что хочет, – сказала Стиви. – Это ничего не изменит. Она по-прежнему получает только тысячу фунтов.

«На эти деньги она купит пару тонн кирпичей», – безжалостно подумала Стиви.

– Она не обрадуется, – предсказала мать. – Мне это тоже не нравится. Я рада, что ты предупредила меня до того, как я увидел этого Гантли. Знаешь, я собираюсь оспорить это решение.

Стиви догадывалась об этом.

– Я не знаю, почему она оставила все тебе. Ты не сделаешь ничего полезного на эти деньги, – продолжала мать.

Было больно думать, что мать так не верит в нее.

– Тут ты ошибаешься, – сказала она. – Я собираюсь открыть собственное заведение.

Глаза Хейзел сузились еще больше, пока не превратились в щелочки.

– Сколько именно Пег оставила тебе? Ты так ни разу и не сказала.

Нет, не сказала, не правда ли? Стиви не хотелось говорить сейчас, но выбора у нее не осталось. Либо мистер Гантли расскажет все ее матери, либо Хейзел узнает об этом другим способом. Может быть, лучше просто покончить с этим сейчас.

– Двести шестьдесят три тысячи фунтов, – ответила Стиви тихим голосом.

Хейзел хлопнула себя рукой по груди и ахнула, ее глаза заметно округлились.

– У нее никогда не было столько!

– Да, – печально ответила Стиви, жалея, что вообще услышала о мистере Гантли и о деньгах. Это вызовет больше проблем, чем оно того стоит. Теперь, когда ее мать знала общую сумму наследства, она никогда не успокоится. И Стиви была права. Это стало понятно позднее, когда мать вернулась после встречи с адвокатом, не принеся ей удовлетворения, с Ферн на буксире.

– Не могу поверить, что все это тебе досталось даром, – объявила Ферн, увидев Стиви. – Не то чтобы тебе приходилось для этого работать, правда?

Стиви швырнула на столешницу кусок теста и принялась яростно месить его. Ферн, за всю свою жизнь проделавшая не так уж много работы, была невероятно разговорчива. По крайней мере, Стиви работала каждый день после окончания школы, часто за гроши, за исключением тех случаев, когда она сломала ногу и почти ничего не могла делать. Ферн ухитрилась пару лет мотаться от одной временной работы к другой, прежде чем завоевала Деззу и начала жить той жизнью, о которой всегда мечтала. Когда у Ферн родились дети, она посчитала свою работу выполненной и стала леди, которая завтракала, пока дети были в школе (и ходила по магазинам, и играла в теннис, и делала много других вещей, которые включали в себя и удовольствие). Ферн сама получила все на блюде с золотой каемочкой и теперь обвиняла Стиви в том же самом. «Держу пари, она ревнует», – подумала Стиви, отбрасывая тесто в сторону. Она всегда любила печь, чтобы выплеснуть свое недовольство. Стиви приступила к первой порции пирожных почти сразу же, как только мать скрылась за дверью. «Бьюсь об заклад, Ферн хотела бы быть на моем месте, – размышляла Стиви. – У меня есть все деньги и нет скучного Деззы, с которым нужно мириться». А может, и нет. За двести шестьдесят три тысячи фунтов в Лондоне далеко не уедешь и уж точно не купишь дом с четырьмя спальнями и двумя комнатами в хорошем районе, где жила Ферн. И этого было бы недостаточно, чтобы отправить двух детей в частные школы. На самом деле этого было бы недостаточно, чтобы бросить работу, если только она не планировала бездельничать и есть тосты в течение следующих сорока лет и никогда больше не выходить за пределы своего дома.

Слова бабушки не давали ей покоя. «Не трать его понапрасну», – сказала Пег. Но будет ли трата напрасной, если она побалуует себя экзотическим путешествием или модернизирует свой побитый, древний хетчбэк?

Или наследство просто сделало жизнь немного более сносной? Внезапно мечта о том, чтобы на эти деньги открыть собственное дело, показалась ей очень надуманной. Это была кругленькая сумма, но не настолько, чтобы создать с ее помощью что-то приличное. Разве что она вложится в магазин на колесах и будет продавать кексы (а это мысль, но Стиви и Карен задумались об этом всего на мгновение). Печально. И с последним ударом по невинному хлебному тесту Стиви отложила свои мечты. Несмотря на энтузиазм, появившийся после выпивки с Карен, по поводу открытия кондитерской, она решила, что разумнее всего было бы найти работу, а затем уже оценить свое положение. Не так ли? По крайней мере, она могла позволить себе для разнообразия снять приличное жилье, а не жить в одной квартире с двенадцатью другими людьми (ладно, это было небольшое преувеличение). Сначала работа. Позже она придумает, в каком районе снять квартиру, потому что ей не хотелось каждый день проводить в метро по три часа, только чтобы добраться до работы и обратно.

Безусловно, благодаря этому она предположительно сможет выдержать обвинения и груз вины, который мать возложит на нее в обозримом будущем. Приняв решение, Стиви отправила тесто в духовку и вернулась на кухню, чтобы послушать музыку.

Глава 6

«Вот в чем беда всех этих “лучших” лондонских шеф-поваров», – ворчала про себя Стиви. Они все знали друг друга. Нахмурившись, она положила трубку, услышав еще одну версию монолога «интересно, почему Корки решил, что должен тебя отпустить». Тема оказалась популярной. «В следующий раз по ней выйдет CD», – саркастически подумала она.

Некоторые повара даже не дали ей шанса объясниться о сломанной ноге, хотя другие слушали, в ответ произнося ни к чему не обязывающее «хм», и говорили: «Я подумаю». Стиви хотела закричать на них: «Мне понимать это как “нет”, верно?» Но она испытывала ужас от одной мысли об уничтожении даже крошечного шанса получить работу. Было одно заметное исключение: шеф-повар, который заявил в своей обычной прямолинейной манере: «Если Корки не хочет тебя, то какого фига ты решила, что я хочу?» «Ваше здоровье. Спасибо. Скорее всего, они все думают об одном и том же», – пробормотала Стиви безутешным тоном, угрюмо слушая мертвую тишину на линии, когда шеф на другом конце бросил трубку.

Ее только что зажившая нога пульсировала в молчаливом сочувствии, и Стиви рассеянно размяла ее, гадая, кому бы позвонить в следующий раз и остался ли хоть кто-то, не слышавший о ее *не-меньше-чем-великолепном* выступлении в «Дыне», многомиллионном мишленовском заведении Корки, которое, по слухам, было названо в честь его увлечения пышногрудыми женщинами. Но в этом-то и заключалась вся проблема: она просто не могла представить себе никого, на чьей кухне ей хотелось бы оказаться и кто не услышал бы о ее несчастье. Как будто у нее проказа или нечто подобное. Она стала ресторанным эквивалентом парии, изгоя.

– Не повезло? – спросила мать.

– Нет. Я думаю, что позвоню в «Бургер Кинг» или «Маленького Шефа». Нет, если подумать, они, вероятно, тоже слышали обо мне и тоже не захотят меня видеть. – Она покачала головой.

Стиви упала в кресло и обняла печально сдувшуюся подушку.

– Продолжай в том же духе, и в этом не останется никакого смысла, – указала Хейзел.

– Плевать.

– Сомневаюсь, учитывая весь твой нынешний бюджет.

Стиви закатила глаза. Только не это! Последние несколько недель ее мать поднимала эту тему при каждом удобном случае и также с недовольством высказывалась обо всем этом.

– Не начинай, – предупредила Стиви.

– Не начинать что? – Хейзел с ее широко открытыми глазами была сама невинность. – Все, что я имела в виду...

Стиви заткнула уши и громко замурлыкала, зажмурившись на случай, если у нее вдруг необъяснимо разовьется способность читать по губам. Через несколько минут она рискнула открыть один глаз – матери нигде не было видно. Она осторожно открыла второй глаз и с опаской огляделась, прежде чем вынуть пальцы из ушей. Стук из кухни подсказал, где находилась мать, и Стиви глубоко вздохнула, немного стыдясь своей подростковой реакции. Ей было двадцать шесть. А ее мать умела обращать время вспять, что заставляло Стиви чувствовать себя и вести себя как тринадцатилетняя девчонка. У всех матерей есть такая способность или ее мама была настолько уникальной? Возможно, она могла бы провести опрос; в конце концов, ей больше нечего было делать.

Она пожала плечами и громко вздохнула. Пришло время снова порыться в Интернете. Последние несколько недель Стиви провела, сторбившись над электронным задачником в поисках работы. Поначалу с обнадеживающим энтузиазмом, который постепенно сошел на нет, когда ее безуспешность стала очевидной, а она сделала серию бессмысленных телефонных звонков во все рестораны, известные вселенной. Ну, во всяком случае, во все те, что имели

хоть какое-то значение, позже – во множество не столь важных, а еще позже – в несколько совершенно неизвестных.

Стиви также, просто ради сомнительного удовольствия, обыскала все доступные дома в радиусе двадцати миль просто на случай, если найдет место, достойное называться в ее честь. Однако она не преуспела – слишком дорого, неправильное расположение, неправильное здание... Стиви недовольно нахмурилась, направилась в маленький кабинет, который когда-то был спальней, и снова включила ноутбук, мысленно готовясь к битве с электронной почтой. Просмотрев и удалив обычную дрянь (Виагра? Seriously?), она уже собиралась удалить очередное письмо, когда ее взгляд привлекла крошечная фотография. С любопытством она открыла файл и недоверчиво уставилась на экран. Двойной фасад трехэтажного здания бесстрастно смотрел на нее. Она дважды перечитала письмо и взвизгнула от возбуждения. Это было кафе, гораздо более бюджетное, в деревне под названием Танглвуд (она понятия не имела, где это находится, но звучало очень мило). Идеально для кондитерской. Слишком идеально.

Должно быть, с ним что-то не так. Здание представляло собой магазин с отдельной квартирой наверху, раньше оно использовалось как кофейня и продавалось с хорошо оборудованной кухней, но, как гласила реклама, ее можно было использовать и для других целей (не то чтобы Стиви хотела использовать ее не по назначению). Ладно, это все еще звучало слишком здорово, но как насчет самого Танглвуда? Она загуглила его и увеличила масштаб карты.

Расположенная в долине вдоль реки Аск, на туристическом пути к парку Биконс и Черными горами за ним, деревня находилась дальше от Лондона, чем предполагала Стиви. «Только посмотри на цену, – подумала она. – Тебе повезет, если ты получишь котлован в Хемел-Хемпстеде!» Имя агента по недвижимости красовалось в верхней части письма, и хотя Стиви не могла припомнить, как регистрировалась у них на сайте (как она могла, учитывая, что зарегистрировалась на стольких страничках), она ведь ничего не потеряет, если отправится на разведку. Стиви должна увидеть его, и было бы неплохо разузнать про конкурентов и, если возможно, – понять, почему нынешние владельцы продают здание. Возможно, в Танглвуде уже было слишком много закусовых, а может быть, здание было так далеко от проторенной дорожки, что люди посещали его только в том случае, если заблудились и у них не оставалось выбора.

Все эти сомнения крутились в ее голове, но, как она ни старалась, Стиви просто не могла подавить искру возбуждения при мысли о Танглвуде. У нее было хорошее предчувствие. Действительно хорошее предчувствие.

Глава 7

«Жаль, что я не успела на поезд», – подумала Стиви, заворачивая за очередной поворот в надежде, что навстречу не выедет трактор (плавали, знаем, и чуть не столкнулась лоб в лоб). Танглвуд действительно находился в глуши, и, хотя большинство дорог были двухполосными, Стиви подумала, что человек, который измерял ширину дороги на некоторых участках, должно быть, считал, что размер машин вдвое меньше, чем он есть на самом деле.

Она затаила дыхание, когда подъехала ближе к живой изгороди, слыша, как ветви шлепают ее маленькую машину по воображаемой мордочке, а затем царапают лакокрасочное покрытие. Каждый раз, как это происходило, она вздрагивала. Дрожь превратилась в гримасу на лице Стиви, когда фургон, тянувшийся за ней, продолжил ехать на приличной скорости и пронесся мимо нее. Чертовы водители белых фургонов – их нельзя пускать на дороги, и уж тем более на такие узкие, как эти. Позади нее выстроилась вереница машин. Она заметила, что та становится длиннее каждый раз, когда Стиви замедляет ход из-за встречного движения. У вереницы не было конца, так как он был скрыт изгибами дороги и разросшимися живыми изгородями по обе стороны от нее.

Вот это совсем другое дело! На взгляд Стиви, здесь было слишком много растительности. Она попросту не привыкла к подобному и поэтому чувствовала себя неудобно, будто кусты могут сомкнуться над ней в любой момент и поглотить ее машину целиком. Но, по крайней мере, местные жители казались достаточно дружелюбными, решила она, когда еще одна машина воспользовалась возможностью проскользнуть мимо нее на одном из редких прямых участков дороги. Приятно услышать гудок и увидеть взмах ладони. Стиви тоже помахала и получила в ответ вспышку задних фонарей, но затем она поняла, что «взмах ладони» на самом деле был грубым жестом.

Наконец, спустя, казалось, несколько часов, живые изгороди и деревья исчезли и дорога очистилась, открыв справа поля с пушистыми белыми овцами, пасущимися на них, и пурпурные горы слева. Стиви ничего не имела против овец (и обожала баранину с мятой и розмарином), но эти горы выглядели немного дикими и чересчур высокими. Деревья и поля расстилались на полпути вверх по склонам. Однако выше горы выглядели довольно пустынными. Их можно считать хорошим фоном, по крайней мере до того момента, как ей придется к ним приблизиться. На самом деле она никогда не ходила в горы и не знала, что принято делать, если добрался до вершины. Стиви предпочитала квартиру – в квартире всегда знаешь, что к чему. Насчет сельской местности она также была не совсем уверена... все выглядело таким зеленым. Примерно через милю она подъехала к перекрестку с указателем на узкий каменный мост, перекинутый через широкую спокойную реку.

Танглвуд.

Она прибыла, и, судя увиденному, деревня выглядела красивой, как шоколадная коробка, с маленькими каменными коттеджами, серыми шиферными крышами и весенними цветами в кашпо.

Ей не терпелось подойти поближе и как следует все рассмотреть, но вначале Стиви предстояло преодолеть крошечный узкий мостик. Продолжая всматриваться в дома на другом берегу реки, она включила поворотник, резко вывернула руль и попыталась повернуть направо, но тут на нее налетел встречный поток машин. Она вдарила по тормозам. Сердце бешено заколотилось. «Черт. Мне лучше сосредоточиться, иначе я могу попасть в аварию». И все же, несмотря на благие намерения, ее взгляд то и дело возвращался к изгибу моста и воображаемым прелестям зданий по ту сторону реки. Еще один звук клаксона, и ее отбросило к «здесь и сейчас». Что? О, светофоры. Почему она не видела их раньше? По крайней мере, это объясняло, почему водитель, ехавший с противоположной стороны, был так разгневан –

для него горел зеленый свет. Однако теперь была ее очередь, и она включила первую передачу, прежде чем светофор сменил цвета.

Направив машину к мосту, она проехала по нему, поразившись видам, открывшимся ее взору.

– Какая красивая деревушка! – заметила она вслух.

Центральная улица постепенно поднималась от реки, Стиви медленно ехала по пологому склону. Она бросила взгляд на короткий ряд из пяти коттеджей, выстроившихся вдоль берега реки, восхищаясь их причудливостью. Справа был паб под названием «Герб герцога», сад которого тянулся почти до самой кромки воды, а дальше по дороге она увидела множество магазинов. Не был ли это еще один паб на перекрестке наверху? Магазин с двойным фасадом справа привлек ее внимание как раз в тот момент, когда она проезжала мимо, и Стиви сбавила скорость, отчаянно пытаясь рассмотреть открывшийся вид и в то же время следя за дорогой.

Она не сомневалась, что это был она! *Ее кондитерская*. Ее!

В лучах послеполуденного солнца она выглядела такой милой и манящей. Блин! Она вдарила по тормозам, едва избежав столкновения с идущей впереди машиной, и пробормотала несколько ругательств. Нелегко вести машину в этой части страны, решила она, учитывая поглощающие машины обочины, массивные тракторы и прохожих, которые как дураки останавливаются посреди главной улицы. Затем она увидела, что заставило машину впереди остановиться, и ее глаза чуть не вылезли из орбит. Это был человек на лошади, скачущий по дороге так, словно она принадлежала только ему. Все остальные машины, стоявшие впереди, объезжали его или терпеливо ждали своей очереди, в то время как встречное движение превратилось в еле ползущее. Что за роль, черт возьми, играет этот парень?

Стиви даже не знала, законно ли ездить на лошади по автодороге. Пару раз она ходила в Гайд-парк и наблюдала за всадниками и их лошадьми, но это было в парке с травой, деревьями и тому подобными вещами. Там ожидаешь увидеть лошадь. И конечно, полицейские лошадки могли ходить где угодно, потому что им это разрешается.

– Но что касается остальных – разве они не должны быть где-нибудь в поле? Не люди, – поспешила добавить она, посмеиваясь про себя, – а лошади.

И пока все это проносилось у нее в голове, она рассматривала зад всадника, который то поднимался, то опускался. При подъеме вырисовывались тугие мускулы и крепкие бедра, а на спуске – примерно то же самое, если не считать короткого хлопка, когда зад мужчины соприкасался с седлом, а потом снова поднимался и... Снова гудки. Оглянувшись на дорогу, Стиви увидела нетерпеливого водителя, который махал ей рукой, показывая, чтобы она объехала «чудовище». Чудовищу, о котором шла речь, не очень понравился автомобильный клаксон, потому что оно немного пританцовывало, пробираясь дальше по дороге, гарцуя, выбрасывая вперед копыта и размахивая хвостом. Стиви с осторожностью выехала в центр дороги, боясь за краску своего нового «Жука». Всадник, должно быть, опасался за свою жизнь, потому что натянул поводья, пытаясь подтолкнуть лошадь ближе к обочине дороги, и в то же время повернулся, чтобы бросить на нее брезгливый взгляд, когда она объехала возбужденное животное.

– Что? – Она ответила ему свирепым взглядом. Ее вины в произошедшем не было – это не она сигналила. Заметив знак парковки, Стиви прибавила газу, чтобы проскочить мимо лошади, затем так же быстро затормозила и резко свернула налево. Съезжая с дороги, она могла бы поклясться, что слышала, как всадник кричал ей вслед, поэтому не торопясь нашла свободное место и вышла из машины. Стиви хотела убедиться, что он уже давно уехал, прежде чем вернуться на центральную дорогу. Глупый человек. Ему было бы лучше скакать по одной из этих гор – вот где должны быть животные, а не на дорогах.

Она схватила сумку с пассажирского сиденья, вышла из машины и потянулась. Поездка из Лондона была довольно долгой – честно говоря, деревушка оказалась немного дальше, чем

она ожидала, и она чувствовала себя так, словно очутилась в другой стране. Так оно и было, если подумать, потому что, как только она пересекла массивный мост (похоже, это был день мостов), отделяющий Англию от Уэльса, указатели внезапно стали неразборчивыми (во всяком случае, часть из них) и остановка на отдых выявила некоторые явно не лондонские акценты.

Стиви должна была признать, что, выходя со стоянки, она испытывала некоторую тревогу. Танглвуд находился на значительном расстоянии от всего, к чему она привыкла, и, очевидно, ближайшим городом был Кардифф или Бристоль (она не могла вспомнить, какой именно). Оба они находились в милях отсюда. Танглвуд был в Валлийской марке, которая, по-видимому, относилась к тем графствам, которые проходили вдоль границы между Англией и Уэльсом (хотя что означает термин «марка», она не знала) и... Стиви остановилась, ее глаза сияли от удовольствия.

«О, деревня действительно прелестна», – поняла она, выходя на дорогу, по которой ехала, и впервые рассмотрела Танглвуд как следует. Едва ли это была центральная дорога, ведь улица, на которой она стояла, больше походила на сонную торговую улицу, и она решила пройти по одной стороне, потом по другой, пока не доберется до своего здания, – как бы она ни старалась сдерживать волнение, Стиви не могла не думать о кондитерской как о своей.

Сам Танглвуд был построен на перекрестке с крошечными старыми улочками, некоторые из которых все еще были мощеными, расходящимися в стороны от двух центральных дорог. Она заметила, что другие магазины были прекрасным дополнением. Слева от нее была старомодная, традиционная мясная лавка, где продавался домашний бекон, а в витрине висели голые кролики, хотя она старалась не смотреть на них слишком пристально. Следующей была пекарня, из открытой двери которой доносился аппетитный запах свежее испеченного хлеба, и Стиви с облегчением увидела, что она, похоже, специализируется на хлебе и сдобных изделиях, имея в меню лишь парочку тортиков и пирожных, – конкуренция ей была не нужна. Здесь были бакалейщик, флорист, один или два туристических магазина, магазин велосипедов и даже старая добрая скобяная лавка.

Но привлекли внимание Стиви три паба (только три – ура-ура! – и по крайней мере в одном из них, судя по всему, не подавали еду) и несколько художественных и ремесленных магазинов, торгующих открытками ручной работы, фигурками из валлийского угля, кельтскими «ложками любви» и всем остальным, на что турист охотно потратит деньги. А значит, в деревне не было только одного – ее кондитерской! Наконец, разведав обстановку и внимательно осмотрев всех и каждого, мимо кого она проходила, и поиграв в угадку (турист, турист, местный, путешественник, местный, турист), она добралась до своей кондитерской и агента по недвижимости, который ждал снаружи, чтобы показать ей здание. Агент выглядел несколько обиженным, и Стиви осознала, что немного опоздала. Неважно, теперь она была здесь, и ей не терпелось заглянуть внутрь.

Само здание было прекрасно. Два больших эркера располагались по обе стороны от центральной двери, на которой висел колокольчик, звонивший всякий раз, когда кто-то входил или выходил, а само пространство было достаточно большим, чтобы вместить около пятнадцати столов. Стойка со стеклянной витриной под ней растянулась на всю ширину помещения в задней части кондитерской, за ней было много свободного места плюс раковина, холодильник и сверкающее металлическое чудовище – кофеварка. Там же был и туалет для клиентов. За прилавком была дверь, ведущая в удивительно большую и хорошо оборудованную кухню со множеством стальных шкафов, столешниц и двумя огромными двойными печами. Посередине был довольно большой кухонный остров с полками внизу, пригодными для хранения кастрюль и форм для выпечки.

Стиви в волнении огляделась. Все было идеально. Бизнес можно запустить в течение нескольких недель. Воображение Стиви устремилось вперед, когда она представила себя стоя-

щей за прилавком, подающей вкуснейшие торты и пирожные терпеливой очереди ожидающих клиентов. Теперь все, что ей нужно, – это место жительства...

– Квартира сверху входит в стоимость покупки, не так ли? – спросила она, и агент по недвижимости указал на дверь справа от нее.

– Туда можно попасть отсюда, но есть и отдельный вход снаружи, если вы захотите им воспользоваться.

Стиви высунула голову из двери с надписью «Пожарный выход» и поняла, что смотрит на крошечный, обнесенный стеной дворик с высокими деревянными воротами и металлической винтовой лестницей сбоку.

– Если вы захотите сдать квартиру в аренду, войти можно и отсюда, – объяснил он, закрывая дверь и указывая ей на внутреннюю лестницу. – Эта дверь может быть заперта изнутри, так что ваши арендаторы не будут шнырять по кафе каждые пять минут.

Она последовала за агентом вверх по лестнице, и он провел ее в двухкомнатную квартиру, частично меблированную и красиво отделанную. Стиви была полностью согласна со вкусом нынешнего владельца, что было удачей, потому что это избавило бы ее от необходимости раскошелиться на косметический ремонт. Особенно ей нравилась главная спальня с отшлифованными половицами и белыми стенами.

Наличие двух спален значило, что ее друзья могли приехать и оставаться на ночь (ей не терпелось показать все Карен), а маленькая кухня – что ей не нужно будет зажигать плиту с восемью конфорками на кухне внизу, когда она захочет разогреть банку супа. Гостиная выходила на улицу, и из нее открывался вид на реку – если немного вытянуть шею. «Прекрасно, – снова подумала она. – Просто идеально».

– Беру, – заявила она.

– Хорошо. – Агент по недвижимости благосклонно улыбнулся ей.

– Могу я заплатить за него сейчас? Вы принимаете карты? – При мысли обо всех деньгах, лежащих на ее депозитном счету, сердце Стиви слегка подпрыгнуло от волнения. Деньги были переведены ей всего пару недель назад, и, не в силах поверить, она проверяла свой баланс с телефона как одержимая.

– Гм... – ответил мистер Уитворт, наблюдая, как Стиви порылась в сумке. – Гм... – громко повторил он. Стиви подняла голову и вопросительно улыбнулась: «Да?»

– Есть только одна маленькая проблемка, – сказал он, его карие глаза были серьезны, а усы обвисли от сочувствия.

– Проблемка? Какая проблемка? О нет, не говорите мне, дайте угадаю. Крысы. – Она замолчала на секунду, но не настолько, чтобы агент по недвижимости успел вставить хоть слово. – А как насчет наводнения – до реки рукой подать? Или, может быть, это место населено привидениями, или вы не продаете недвижимость женщинам по пятницам?

– Нет-нет, продаю всем, – спокойно ответил он.

– Так в чем же дело? – нетерпеливо спросила Стиви, ее глаза расширились от беспокойства. Ничто не остановит ее от покупки этой прекрасной маленькой кондитерской – ничто!

– Он выставлен на аукцион.

«Ничто, кроме других людей, торгующихся против меня», – поняла она, и плечи Стиви поникли. Просто ей повезло. Рано или поздно кто-то другой должен был захотеть его.

– А вы не могли бы снять его с аукциона? – спросила она тихим голосом.

Мистер Уитворт печально покачал головой.

– Боюсь, что нет. Однако я могу сказать вам, что на данный момент вы единственный человек, который побывал здесь. Аукцион состоится в понедельник, так что, возможно, вам повезет, – добавил он.

– Вам позволено говорить мне такие вещи? – спросила Стиви. – Я думала, что у агентов по недвижимости есть правило или что-то в этом роде, которое гласит, что они должны заставлять людей думать, будто весь мир хочет купить их объект.

Стиви наблюдала, как усы мужчины опускались еще ниже по мере его объяснений.

– Я всегда хотел быть автогонщиком.

– А... – Стиви согласилась, что причина вполне достойная для сообщения, что она единственная заинтересованная сторона. – Как вы думаете, от вас был бы толк?

– Нет, – ответил он печальным голосом.

– А... – повторила она. – Вы толковый агент по недвижимости?

– Да. Очень. – К этому времени мистер Уитворт говорил, как побитая собака, и выглядел так же. – Но я склонен быть слишком честным для своего же блага.

Стиви снова перевела разговор на чайную.

– Я должна получить это здание, – сказала она.

– Увидимся в понедельник, – твердо ответил мистер Уитворт, запирая за ними дверь и пряча ключи в карман. О, как бы Стиви хотела, чтобы эти ключи были сейчас у нее в кармане. Ей не терпелось начать печь на этой великолепной кухне.

– Кстати, – заметил агент, когда Стиви направилась к машине. – Указанная цена только ориентировочная и может не соответствовать той, которую вам придется заплатить.

Стиви вздохнула. Как обычно! Все было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Глава 8

Ник Сондерс ненавидел водителей-идиотов, особенно тех, кто никогда не видел лошадей на дороге и понятия не имел, как вести себя рядом с ними. Он все еще ворчал и бормотал себе под нос, когда через некоторое время рысцой въехал в конюшню. К счастью, мерин уже успокоился, ничто не могло испортить его маленькую прогулку. Ник был рад оказать услугу владельцу лошади – проверка на стрессоустойчивость прошла успешно, – хотя подобное не входило в его обязанности. Выскользнув из седла, он подвел лошадь к коновязи и привязал ее.

– Хороший парень, – пробормотал он, ослабляя подпругу и снимая седло со спины животного. Конь взмахнул хвостом, топнув копытом от внезапного озноба, прошедшего по его разгоряченной плоти. Несмотря на относительно теплый весенний день, от влажной шерсти лошади в воздухе клубился пар. Сменив уздечку на недоуздок, Ник принялся чистить мерина. Он любил почти все аспекты своей работы, и эта часть не была исключением. Ритмичные взмахи щетки придавали шерсти коня блеск – это занятие приносило Нику успокоение. Однако ему не всегда нравилось чистить снаряжение для верховой езды, поэтому, заметив одного из конюхов, Ник подозвал парня.

– Не мог бы ты оказать мне услугу и почистить седло Домино? – спросил он.

– Хорошо, босс. Вы хотите, чтобы я завел его в стойло?

– Нет, я сам это сделаю. Хочу проверить его сухожилия, когда он немного остынет.

– Как он? – Все конюхи активно интересовались животными в конюшне Ника, и Джордан не был исключением.

Молодой и увлеченный, парень жил и дышал лошадьми. Ник тоже, но со временем он стал старше, и увлеченность немного угасла, а на смену ей пришел опыт.

– Неплохо, пока какая-то глупая девчонка на ярко-желтом «Жуке» не задержала движение, а другой идиот на «Рендж Ровере» не посигналил ей, вызвав у Домино жуткую дрожь. На минуту мне показалось, что он собирается броситься наутек. Потом эта глупая девушка в «Жуке» объехала его и сразу же вернулась обратно, подрезав нас. Это немного испугало его.

– Бедный парень! – Джордан похлопал лошадь по шее. – Хотите ли вы, чтобы я позанимался с Ахиллом после обеда?

– Хорошая идея. Посади его на длинную узду и поставь несколько трамплинов на первой лунке. Проведи его по ним пару раз, а затем сделай то же на ступеньке выше. Пусть он привыкнет к ним.

– Хорошо, босс.

– После этого ты сможешь ездить на Монте-Карло.

– Хорошо, босс. – Ухмылка Джордана будто разделила его лицо надвое.

Ник продолжал ухаживать за Домино с ответной улыбкой на лице. Помимо собственных прыжков, ему также нравилось привлекать молодые таланты (как лошадей, так и наездников), а Джордан был действительно талантливым парнем. Парень уже выиграл несколько соревнований в своей возрастной группе, а его имя в различных кругах конкуристов начали передавать из уст в уста, называя его новым и перспективным всадником.

Ник вспомнил, когда он сам был в таком положении – слишком много лет назад, о чем ему не хотелось думать. Он утешал себя мыслью, что, по крайней мере, конкур – это один из видов спорта, где возраст не имеет слишком большого значения. Взять, к примеру, Питера Чарльза – ему было почти шестьдесят, а он все еще участвовал в соревнованиях. Этого нельзя было сказать о многих других видах спорта. В большинстве из них тебя отправляли на пенсию уже в тридцать лет.

Не то чтобы Ник был близок к шестидесяти, но в тридцать два года его тело ощущало удары сильнее, чем десять лет назад. К счастью, его уже давно не сбрасывали (хотя сегодня

он был близок к этому благодаря тому водителю-идиоту), но неосторожное копыто, наступившее на ногу, или удар по лицу мощной головой лошади причиняли больше боли, чем раньше. Только на прошлой неделе его придавило к стенке стойла, и ребра до сих пор болели. Ему действительно следовало быть осторожнее: он, как никто другой, знал, как легко может произойти несчастный случай, особенно если речь идет о лошадях. Он хорошо знал и последствия.

Нет, он определенно был уже не так молод, как раньше. Тем не менее он не хотел быть в другом месте или заниматься чем-то другим. Лошади были его жизнью, причиной, по которой он вставал по утрам с постели, и они были добры к нему, обеспечивая ему тот образ жизни, который он любил, определенную степень славы и карьеру, в которой он был чертовски хорош. Но он был вынужден признать, что в эти дни тренировки доставляют ему больше удовольствия, чем соревнования.

Ник похлопал Домино по крестцу в знак того, что сеанс груминга окончен, отвязал недоуздок и повел лошадь в стойло, где отстегнул поводок и отпустил животное. Лошадь сразу же подошла к своей поилке, установленной на стене, и стала всасывать ртом прохладную свежую воду, время от времени поднимая морду, чтобы посмотреть на Ника. Капельки воды покрыли пушистые волоски на носу и подбородке Домино, и как только он напился, то подошел к двери, свесил голову и вытер морду о куртку Ника.

– Спасибо, – язвительно сказал Ник, отталкивая большую голову.

Лошадь фыркнула на него и повернулась к своему корму, подвижными губами выдергивая пряди сухой травы из сетки сена, и вскоре звуки довольного чавканья заполнили стойло. Ник тоже хотел бы иметь возможность неторопливо пообедать, но ему нужно было выполнить бумажную работу и позвонить, поэтому обедом Ника стал наспех приготовленный бутерброд, съеденный за рабочим столом. Иногда ему действительно хотелось поменяться местами со своими изнеженными лошадьми.

– Ник Сондерс, – сказал он, отвечая на звонок и заглатывая багет с ветчиной и салатом. Багет был немного черствым, но все же лучше, чем уже нарезанный, покрытый плесенью белый батон в хлебной коробке. Ему уже давно нужно было сходить в магазин, но он никак не мог найти время. Обычно за продуктами следила Тиа, но в последнее время...

– Дорогой, это Миранда. Как дела? – промурлыкал в трубке вальяжный голос, и Ник закатил глаза.

– Хорошо, спасибо, а у тебя?

– Стало намного лучше от твоего голоса. У меня был ужасный день.

Ник догадался, что должен был спросить, что случилось, но его это не волновало. В жизни Миранды всегда случался тот или иной кризис, обычно по типу «мой стилист в отпуске на две недели – что мне теперь делать?». Миранда могла быть очень веселой, безусловно привлекательной, хорошо воспитанной и при деньгах (при больших деньгах, благодаря ее отцу, лорду Тонбриджу), но она также была довольно самовлюбленной и поверхностной – хотя Ник должен был признать, что однажды застал ее плачущей за телевизионной рекламой по сбору средств для детей в Судане. Как он помнил, она продала одно из своих украшений и отправила вырученные деньги в благотворительный фонд. Он восхищался тем, что она действовала, а не просто болтала. По правде сказать, вся семья часто участвовала в местных делах, поэтому Миранда регулярно вносила свою лепту в жизнь общества. И все же иногда она могла быть немного драматичной.

– Я звоню не просто так, – продолжила она после паузы, которую Ник отказался заполнять. – В субботу вечером у нас в доме будет небольшая вечеринка, и я подумала, не хочешь ли ты прийти. Пожалуйста, скажи «да», потому что в противном случае я буду вынуждена слушать, как старые папины дружки рассказывают о последней охоте или о своих акциях в какой-нибудь ужасной компании.

– Разве там не будет никого другого, с кем бы ты могла поговорить? – Ник играл в адвоката дьявола, но ничего не мог с собой поделывать. Ему нравилось дразнить Миранду – ее было так легко завести. Это было одно из его маленьких жизненных удовольствий, и она знала, что он не имел в виду ничего серьезного.

– Дурачок! Конечно, будет! Mamочка должна развлекать жен закадычных друзей, но... – она понизила голос до заговорщицкого шепота, – слушать их еще хуже, чем говорить с самими закадычными друзьями. Пожалуйста, пожалуйста, приди и спаси меня от участи, что хуже смерти.

– Ты всегда можешь пригласить Тиа на девичник, – предложил Ник. – Она бы с удовольствием воспользовалась шансом нарядиться.

На самом деле Тиа, скорее всего, не воспользовалась бы этой возможностью. Ник перерыл свой мозг, пытаясь вспомнить, когда в последний раз его сестра надевала что-то кроме джинсов и кроссовок, и потерпел неудачу. Он также не мог вспомнить, когда она в последний раз вышла в свет.

– Я бы с удовольствием, но мама сказала, что должна сохранить план рассадки.

– Что?

– Ну, знаешь, мальчик, девочка, мальчик, девочка. Тиа испортит мамочкину рассадку.

«О, ради всего святого, – подумал Ник. – План рассадки? Правда?»

– Что твоя мама подает к полднику? – спросил он вместо этого и открыл электронную таблицу. Он попытался прочитать ее, но многозадачность – это не про него.

– Это называется «ужин», как ты прекрасно знаешь, – хмуро ответила Миранда. – Я не уверена, что готовит миссис Эббот, но что бы это ни было, оно будет восхитительным, как обычно.

– В таком случае я приду, – сказал Ник. Мужчина должен есть. Да и отказываться от приглашения на ужин от богатого соседа тоже не стоило...

– Ах ты! Ты просто дразнилка, Ник.

Миссис Эббот была одной из лучших поварих в округе, и Ник не раз наслаждался ужином в поместье Тонбридж. Действительно, ужин! Там, откуда он родом, трапеза между обедом и ужином называлась полдником, полуденная – обедом, а ужин – это то, что ели, если оставались голодными перед сном. Он обнаружил, что не может не напоминать Миранде о своем не слишком приятном происхождении. Не то чтобы это ее отталкивало – нет, не отталкивало. Миранда всегда была инициатором. На самом деле, Домино принадлежал ей, и, хотя лошадь нуждалась в значительном обучении, чтобы привить ей хорошие манеры и успокоить, у Ника закрадывалось подозрение, что Миранда поместила лошадь в его конюшню исключительно как повод увидеться. Он должен был признать, что между ними было некоторое притяжение (Миранда была великолепной девушкой), но не настолько, чтобы Ник мог действовать решительно, поэтому он относился к ней с некоторой долей осторожности и сдержанности; он не хотел, чтобы у нее сложилось неверное представление.

– Во сколько ты хочешь меня видеть? – спросил он, нажимая на иконку электронной почты, и был вознагражден негромким хихиканьем.

– В любое время, Ник, в любое.

Ник подождал. Он сам был виноват в том, что не думал о том, что говорит.

– В семь, в семь тридцать, – в конце концов сказала она со вздохом.

– Я приду, – пообещал он и завершил разговор.

Наказание в виде ужина в окружении друзей и знакомых лорда и леди Тонбридж компенсировалось возможностью пообщаться. Скорее всего, они не обязательно были лошадиниками, но они вращались в подобных кругах, а тренировка к выездке и конкуру – дорогое занятие. Нику нужны были все поручители и рекомендации, которые он мог получить, а сарафанное радио было отличным способом.

Вернувшись к более насущной проблеме – какую лошадь выставить на соревнования, он увеличил электронную таблицу и уставился на нее. Это был объемный документ, сложный и подробный, и он изучал его несколько долгих минут, прежде чем откинуться в своем офисном кресле.

В конюшне Ника было четырнадцать скакунов, пять из них – его собственные. Остальных он тренировал для других владельцев и иногда сам выступал на этих лошадях на соревнованиях, а иногда на них ездили другие наездники. Кроме того, у него была пара проблемных животных (к удивлению Ника, он обнаружил, что у него есть способности к превращению лошадей с характером в более спокойных), а также один или два молодняка, которых потихоньку приучали к работе.

Было над чем поразмыслить. Конюхи обеспечивали повседневную работу двора, и без них Ник бы пропал (у него их было пятеро, трое жили на месте, а двое других – в самом Танглвуде), но все равно работы было очень много. Тиа помогала, как могла, несмотря на инвалидность, и была мастером по организации двора и дома, но в последнее время часть ее с трудом завоеванного блеска покинула ее, и она казалась не такой сосредоточенной, как обычно. Возьмем, к примеру, ситуацию с продуктами...

Он пообещал, что попытается разобраться с тем, что ее беспокоит, за вечерним приемом пищи. Но позже, а сейчас у него была работа, поэтому Ник отбросил беспокойство о сестре на задворки сознания и постарался сосредоточиться на работе.

Но одна вещь все еще не давала покоя – образ рыжеволосой девушки за рулем желтого «Жука», машущей ему рукой и приносящей извинения.

Ох уж эти водители-идиоты!

Глава 9

В следующий понедельник Стиви нервно сидела на деревянном стуле в аукционном зале, вместе с парой дюжин довольно скучающих потенциальных покупателей. Она молилась, чтобы они пришли не за ее, а какой-нибудь другой собственностью. Она также надеялась, что они не учуяли запаха свежей крови, потому что чувствовала себя как коза, загнанная в клетку и ожидающая тигра. Конечно, они могли видеть по ее лицу, как сильно она хотела заполучить здание.

Стиви откинулась назад, скрестила ноги в лодыжках и попыталась выглядеть бесстрастной, но безуспешно, потом поймала суровый взгляд Карен и с трудом сдержала хихиканье.

– Ты побледнела, – констатировала Карен. – Этот цвет тебе не идет.

– Это нервы, – пролепетала она, зажав рот рукой, чтобы сдержать истерический смех.

Карен слегка сдвинулась на своем стуле, отвернувшись от подруги.

– Прости, – сказала Стиви приглушенным голосом, слезы текли по ее щекам. Она убрала руку и помахала ею перед лицом.

– Триста семьдесят пять тысяч, ставка! – Голос аукциониста прорезался сквозь выходки Стиви. Он указал прямо на нее.

– Что? – Она задыхнулась, ее глаза широко раскрылись, и она в ужасе уставилась на подиум. Она судорожно огляделась вокруг, понимая, что многие люди в зале наблюдают за ней.

– Повышаем с три-семь-пять? – потребовал аукционист.

Стиви затаила дыхание, а Карен повернулась и посмотрела на нее.

– Видишь, что ты наделала? – прошипела ее подруга. – Ты только что сделала ставку. Я сказала тебе не двигаться и молчать.

– Продано за триста семьдесят пять тысяч фунтов даме с последних рядов, – услышала Стиви слова аукциониста и издала тихий стон, когда он снова указал на нее.

– Нет, я не хочу, – простила она.

– Продано! – Молоток опустился, заставив Стиви подпрыгнуть.

– Можно мне, пожалуйста, ваш номер? – спросил он ее.

– Нет! – закричала она. – Я не хотела делать ставку. Я не хотела этого!

Она покраснела от смеха вокруг нее и опустилась на место.

– Не вы, мадам. Я имел в виду даму позади вас, – пояснил аукционист.

Стиви вздохнула с облегчением. «Слава богу!» – сказала она громче, чем собиралась. Легкий смех перешел в откровенное хихиканье. Карен снова бросила на нее взгляд и переместилась на несколько дюймов вправо, пытаясь сделать вид, что не имеет ничего общего с сидящей рядом сумасшедшей. Стиви знала, что Карен часто так делает, но она также знала, что ее подруга на самом деле не хотела этого. Стиви никогда раньше не была на аукционе и провела первые полчаса, сидя на руках, ерзая на своем сиденье и отпуская дурацкие шуточки типа «не чихай, а то они подумают, что ты хочешь сделать ставку». Теперь, казалось, шутка была почти что про нее. Успокоившись на мгновение, она села тихо, опустив глаза, и жалела, что она не хамелеон. Что заставило ее представить, каково это – быть им на самом деле, поэтому скрытно, под ресницами, она попыталась двигать каждым из своих глаз независимо от другого. Лучшее, что у нее получилось, – это косоглазая гримаса.

Карен резко ткнула ее локтем в ребра.

– Я думала, ты хотела сделать ставку именно на этот лот, – шипела она.

– О да. Так и есть. – Стиви откинула локоны с лица и села прямо. Она намеренно подняла руку, мило улыбаясь аукционисту.

– Да? – спросил он, совершенно недоумевая.

Стиви опустила руку, ее улыбка померкла из-за неуверенности.

– Вы что-то хотели? – Голос аукциониста можно было бы назвать раздраженным.

– Я хочу сделать ставку, – тихо сказала она.

– Конечно, мадам, но торги еще не начались.

– О.Извините. – Стиви прикусила губу, повторила трюк со сжиманием сиденья и ударила Карен по бедру, когда думала, что никто не смотрит.

– Ой! Больно! – прошипела Карен.

– Это была твоя вина, – прошипела Стиви в ответ. – Я думала, что должна была сделать ставку.

– О, просто заткнись и слушай. – Карен раздраженно покачала головой, ее темные, блестящие волосы растрепались по лицу. Стиви смотрела вдаль, пока ее внимание не привлеч ровный голос мужчины, описывающего достоинства кафе.

Она решительно кивнула, когда аукционист взял бразды правления в свои руки.

– Кто начнет со ста пятидесяти тысяч? – спросил он, глядя прямо на Стиви.

Она уже собиралась снова поднять руку, когда Карен прошептала: «Ничего не говори и не делай. Подожди». Стиви в кои-то веки последовала совету и застыла на месте с полукрытым ртом. Двигались только ее глаза, которые перебежали с одного лица на другое.

– Давайте же! Сто пятьдесят того стоят. – Он сделал паузу, его внимание было сосредоточено на остальной части комнаты.

– Сто, значит? Спасибо. Сто тысяч – моя ставка.

Стиви повернула шею, чтобы посмотреть на соперника.

– Повышаем на сто тысяч? Я слышу сто десять? Десять, кто-нибудь?

Карен подтолкнула ее, и рука Стиви поднялась вверх.

– Сто десять тысяч фунтов? Вы уверены? – Аукционист пристально смотрел на нее.

Стиви кивнула, ее волосы подпрыгнули.

– Хорошо. Сто двадцать тысяч? – Он кивнул ее сопернику в знак признательности. – Я получил сто двадцать. Кто даст тридцать? – Он резко повернулся к Стиви, которая махнула на него рукой.

Торги быстро поднялись до двухсот тысяч и выше. На отметке двести тридцать пять тысяч они остановились.

– Все против вас, сэр, – услышала Стиви, как аукционист сказал ее невидимому сопернику на другом конце комнаты.

– Двести тридцать пять – раз. Двести тридцать пять – два. Уходит на двухстах тридцати пяти... – Драматическая, слишком долгая пауза, и затем: – Продано! За двести тридцать пять тысяч фунтов даме с рыжими волосами.

«Каштановыми, каштановыми», – подумала Стиви, вскакивая на ноги и крича: «Да! Да!»

На этот раз улыбки и смех ее товарищей по торгам были снисходительными. Она показала свой номер аукционисту, подождала, пока он запишет его, затем схватила Карен за руку и потащила подругу на улицу.

– Она моя! Она моя! Она моя! – пела она, танцуя по кругу и увлекая за собой Карен.

– Мне нужно выпить, – объявила она, задыхаясь.

– Мне тоже, – согласилась Карен, и, еле сдерживаясь, они отправились в ближайший паб праздновать.

Глава 10

– Нет-нет, так просто не пойдет, – закричала Стиви. – написали «о», а должно быть «е».

– Где?

– Там, видите? – Стиви ткнула пальцем в недавно нарисованную вывеску у своей недавно приобретенной кондитерской.

Автор вывески почесал свою седеющую голову и посмотрел вверх.

– Придется переделать, – заявила она.

– Нет, не придется. Я сделал все точно так, как вы написали. – Пожилой мужчина порылся в кармане и достал скомканный, измазанный клочок бумаги. Он разгладил его у себя на груди, а затем сунул Стиви под нос. Грязный, покрытый краской палец коснулся написанного.

– Вот! Видите? «Кондитерская Погги».

– Нет, это не так. Здесь вообще ничего такого нет. Тут написано «Кондитерская Пегги». Это буква «е».

– Ну, мне так не кажется, а я рисую то, что вижу, не так ли? – резонно заметил он.

– Но это неправильно. Это «е». Разве это похоже на «е»? – Стиви выхватила бумагу из рук старика и сунула ее в лицо прохожей. Женщина чуть не выпрыгнула вон из кожи от неожиданности.

– Что похоже? – пискнула она, прижимая дрожащей рукой ветровку к груди.

– Это «е», – практически прокричала Стиви. – Как в «Кондитерской Пегги».

– О. Да. Я думаю, это будет кафе, и я уверена, что они будут продавать чай, дорогая, – пробормотала женщина. – Какая-то молодая девушка из Лондона купила его. Надеюсь, у нее все получится, в отличие от предыдущих владельцев.

– Что вы имеете в виду? – спросила Стиви, на мгновение забыв о неправильно написанной букве, но ее информатор быстро зашагала по тротуару и вскоре совсем исчезла.

– Что все это значит? – ни к кому не обращаясь, спросила Стиви.

Впервые с тех пор, как она увидела Танглвуд и приняла самое важное и спонтанное решение в своей жизни, Стиви почувствовала легкое беспокойство. Она знала, что ей следовало что-то сделать, и эта мысль не давала ей покоя с тех пор, как она увидела кондитерскую, а теперь ее осенило: она не спросила, почему предыдущие владельцы продавали магазин. Это просто не пришло ей в голову. Она была так увлечена происходящим, что не задумывалась о причинах, по которым здание было выставлено на продажу.

Вероятно, Стиви все равно не позволили бы взглянуть на бухгалтерские книги (не то чтобы она даже думала об этом), поскольку помещение продавалось не как действующее предприятие. Сам бизнес не продавался, только имущество. Тот факт, что оборудование и фурнитура были включены, был просто счастливым бонусом.

– Не знаю, и мне все равно, – заявил автор вывески с мелодичным валлийским акцентом. Она нахмурилась, когда он наклонился к своим краскам, закрывая их крышками.

– Вы еще не закончили, – запротестовала она.

– Да, я закончил. – Старик был непреклонен. – Если только вы не хотите заплатить мне за то, чтобы я нарисовал все снова?

– Я вам еще не все выплатила, – поправила она.

При этом он протянул слегка дрожащую грязную руку. Стиви проигнорировала его жест.

– Я не заплачу вам, пока вы не исправите надпись.

– А я расскажу всем, как вы не заплатили старику за добросовестно отработанный день. Как вы обманули его и теперь он не может позволить себе включить газовый камин.

– Но сейчас середина мая! Вам не нужен огонь.

– По ночам становится холодно, – ответил он, а затем добавил: – И я не смогу позволить себе такую роскошь, как еда и щепотка табака.

– О, ради всего святого! – Стиви протопала в кафе и вернулась с кошельком. Она отсчитала купюры, затем подождала, пока он соберет свои вещи, что он и сделал с раздражающей медлительностью. Наконец он водрузил свою лестницу на плечо, и его спина согнулась под ее тяжестью.

– Хорошо, мисс Погги, – сказал он. – Я пойду. Позвоните мне, если захотите еще что-нибудь сделать.

– Тейлор! Мисс Тейлор, – крикнула она вслед удаляющейся фигуре, лестница плавно покачивалась вверх-вниз, пока он пошатывался под ее тяжестью. Действительно, мисс Погги!

– Как скажете, – услышала она его ответ.

– Я пас, – пробормотала она себе под нос и, топая, отправилась за лестницей.

Выяснилось, что лестницы у нее не было. Она также обнаружила, что у нее нет ни краски, ни кисточки.

Вздыхнув от разочарования, она снова взяла свою сумочку, заперла кондитерскую и направилась к торговцу скобяным товаром дальше по улице.

– Привет, милая, что тебе принести? – спросил ее мужчина лет пятидесяти. Он был одет в темно-зеленый фартук до середины бедра и выглядел так, будто не знал, что такое отвертка.

– Мне нужна лестница, – начала Стиви, но тут ее внимание привлекла стойка с деревянными штырями. – Хм... для чего это?

Она была похожа на вешалку для одежды, но лежала на плоской стороне, и прямые штыри длиной в два фута торчали вверх.

– Вешалка для обуви. Возьмете? – сказал он, взял с полки позади себя резиновый сапог и повесил его вверх ногами на один из деревянных штырей.

На самом деле, теперь, когда он заговорил о вешалке, она действительно стала ей нужна, хотя у нее не было ни одной пары ботинок. Нет, она пришла сюда за лестницей, и лестница была именно тем, с чем она собиралась вернуться домой. Домой – странно было называть кондитерскую «домом». Она переехала сюда только позавчера, и ей еще предстояло акклиматизироваться.

– Только лестницу, пожалуйста, – твердо ответила она.

– Какая вам нужна? Одиночная лестница, приставная лестница, стремянка, лестница-платформа, лестница двойного назначения, лестница для крыши?

– Эм-м... – Боже, кто бы мог подумать, что существует так много разновидностей? – Я хочу нарисовать вывеску над своим магазином, – сказала она.

– Какой высоты?

– Не знаю, два-три фута?

– Я имел в виду, как высоко будет находиться вывеска?

– О, понятно. Примерно такой же высоты, как и ваша, – сказала Стиви. – Я думаю.

– Высокая стремянка, наверное, подойдет, – предположил скобарь и достал из загашника прочную лестницу красного цвета.

– Она раскладывается в одну, если вам нужно достать что-нибудь повыше, – добавил он.

– Великолепно, – согласилась она. – Мне также понадобится краска.

– Какая краска? У нас есть эмульсия, шелковая и матовая, глянец, сатин, подложка, корректор влажности, краска для каменной кладки...

– Все, что используется для покраски вывесок, – перебила Стиви. У нее было странное чувство дежавю, как будто подобная сцена уже разыгрывалась в телевизионном шоу... что-то связанное с наборами вилок, или это были четыре свечи?

«Неважно. Это не имеет значения. Важно сделать правильную вывеску, иначе Погги, то есть Пегги, вернется, чтобы преследовать меня», – подумала Стиви.

Она расплатилась за покупки и уже собиралась поднять лестницу (как она собиралась нести ее по улице – пока оставалось загадкой), когда заметила кое-что еще. И это было то, что она определенно должна была заполучить.

Это была деревянная подставка для шляп и пальто, которая идеально смотрелась бы прямо за дверью, для тех дождливых дней, о которых она так много слышала. Очевидно, Уэльс славился ими. На подставке даже было что-то вроде поддона для сбора капель, а также место для хранения мокрых зонтиков.

– Могу я заплатить за это, взять лестницу домой, а потом вернуться за стойкой для одежды? – спросила она.

– Конечно, можете, милочка, или мы можем доставить все одновременно. Где вы живете?

– Я только что купила кафе в конце улицы, – сказала она, не в силах сдержать гордость.

– Это вы, да? Из Лондона?

– Это я.

– В таком случае дайте мне минутку, и я все организую. Джек, вот он, присмотрит за магазином.

Джек был тощим и длинным подростком, не отпускающим телефон из рук.

– О чем я думаю? Джек, прекрати играть с этой штукой и отнеси лестницу в кафе дальше по улице. Ну, знаешь, то пустое. Пошевеливайся, парень, у леди нет времени ждать весь день.

– Спасибо, вы очень помогли, – сказала Стиви. – Сколько я должна вам за доставку?

– Ничего не должны. За счет заведения.

Стиви была тронута.

– Позвольте мне хотя бы угостить вас тортом и кофе, – предложила она. – Приходите ко мне на открытие, а я приберегу для вас кусочек чего-нибудь вкусенького.

Спустя полчаса и пару банок эмалевой краски ее вывеска гласила: «Кондитерская Пегги».

Вытирая руки, Стиви любовалась своей работой. Не идеально, но должно было сработать. Кроме того, у нее больше не было времени на возню – ей нужно было открыть кондитерскую. Не прямо сейчас, конечно, но через неделю или около того, а до этого она хотела хорошенько отмыть каждый уголок. По правде говоря, кафе в этом не нуждалось, но она почувствовала бы себя счастливее, если бы навела чистоту, почти как собака, пометившая свой участок. Она начала бы с передней части здания, потому что это та часть, которую прохожие могли увидеть через окна, а затем проделала бы обратный путь к кухне. Квартире наверху придется подождать. Она распаковала только необходимые вещи.

Стиви принялась за уборку с усердием, вытирая пыль и отдраивая пол, дезинфицируя и очищая все поверхности, пока кондитерская не засияла. Когда она почувствовала удовлетворение, много часов спустя, она отложила тряпку в сторону, сняла резиновые перчатки и отступила назад, чтобы полюбоваться своей работой. *Идеально*. Ее собственная маленькая империя; чистый холст, готовый для ее собственного первого мазка. Стены были бледного оттенка пыльной розы, она не собиралась менять цвет, но ей отчаянно нужны были столы, стулья, шторы для великолепного эркера, не говоря уже о тарелках, столовых приборах, сервировочных блюдах, салфетках, скатертях... список казался бесконечным.

На самом деле она составила список еще вчера вечером, и он был довольно пугающим. Ей удалось заказать в Интернете множество товаров, таких как оборудование для выпечки, современный кухонный комбайн, миски для смешивания, лопатки и сотни других вещей, необходимых для кухни. Ей даже удалось заключить выгодную сделку и оформить раннюю доставку столов и стульев, стандартизированных под кейтеринг. Но ей все еще нужны были все эти важные штрихи, и бешеный просмотр товаров на eBay показал, как трудно будет получить все заказы в одно время.

Ничего не поделать – придется вызывать подкрепление.

Глава 11

Ник уловил движение краем глаза. Последний час он провел в крытом манеже с животным на длинном поводке, выгуливая, рыся и пуская кобылку галопом по кругу, приучая ее к своим командам, давая ей понять, что от нее требуется. Еще несколько минут, рассудил он, и хватит с нее. С лошадьми лучше заниматься недолго, но часто. Он вознаградит ее добротной чисткой и ведерком овса.

Он отвлекся от лошади, чтобы посмотреть на Тиа, притаившуюся в дверях. По полу манежа ей было трудно, но все же не невозможно передвигаться на своей коляске, хотя он не мог вспомнить, когда в последний раз она заходила внутрь.

Он замедлил ход кобылки, а затем постепенно остановил ее. Когда она спокойно стояла, Ник подошел к ней, взял за недоуздок и расстегнул зажим на поводьях. Готовясь вывести лошадь, он повернулся к огромным дверям сарая с улыбкой на лице, но затем выражение его лица изменилось. Тиа исчезла. Он нашел ее дома, смотрящую в окно гостиной с видом на поля, где паслись лошади. Ему не часто хотелось признаваться себе в этом, но он догадывался, что вид животных, которые были виновниками несчастного случая, может быть нелегким для его сестры.

– Тиа? – Его голос был мягким и нерешительным. В эти дни она была склонна выходить из себя по малейшему поводу.

– Хм? – Она не повернулась, чтобы посмотреть на него, а продолжала смотреть на вид за окном.

Он хотел спросить, в чем дело, но придержал язык. Это был глупый вопрос, как она уже отметила, когда он задавал его в прошлом. Что случилось, было совершенно ясно – то, что она теперь прикована к инвалидному креслу. Ник догадывался, что она никогда по-настоящему не примет положение дел и, возможно, всегда будет чувствовать обиду за то, что лишилась возможности быть полноценной, но он надеялся, что сестра смирится с этим. Каждый раз, когда Ник думал (надеялся), что Тиа смирилась, у нее случался рецидив. Ее физическое состояние было отличным, насколько это вообще возможно, так говорили ее врачи, но психическое здоровье оставляло желать лучшего.

– Я тебе для чего-нибудь нужен? – спросил он вместо этого. Она пожала плечами.

Ник попытался снова.

– Я видел тебя возле арены. Ты должна была присоединиться к нам. Драчунья идет в ногу со временем.

– Дурацкое имя для лошади, – пробормотала она в ответ.

Он сморщил нос. У нее было одно из тех настроений, что всегда поражало его. Из прошлого опыта Ник знал, что, как бы он ни старался, ему не удастся вывести сестру из этого состояния, но, как всегда, он не прекращал стараться.

– Нас пригласили сегодня на ужин в поместье Тонбридж, – сказал он, прекрасно понимая, что приглашение предназначалось только ему. Если Тиа согласится прийти, он как-нибудь уладит это с Мирандой и ее матерью.

Он увидел, как плечи Тиа еще больше сгорбились, и подавил вздох. Когда-то она была такой веселой девушкой, и хотя она постепенно проявляла признаки возвращения к своей прежней солнечной натуре, в последние несколько недель она снова ушла в себя. Консультанты и врачи предупреждали их обоих, что следует ожидать этих эмоциональных американских горок, но осознание того, что это нормально после такого меняющего жизнь события, не облегчало ситуацию ни для него, ни для Тиа.

– Нет, – ответила она после долгой паузы.

– Давай, Тиа, тебе понравится, – уговаривал Ник. Если бы он мог просто вывести ее из дома в большой, широкий мир, она бы увидела, что жизнь снова может стать хорошей.

– Я сказала, нет.

– Почему? – произнес Ник со вздохом.

Он знал, что ведет себя агрессивно и скандально, но ничего не мог с собой поделать. Он действительно хотел знать, что ее сдерживает. Она много раз бывала в поместье Тонбридж, и после несчастного случая тоже, так почему бы ей не поехать с ним сейчас? В его голове мелькнула мысль, что сестра может страдать от депрессии, и он ненадолго закрыл глаза в отчаянии. Возможно, пришло время признать, что она нуждается в помощи и поддержке больше, чем он может ей дать, но сейчас, вероятно, было не лучшее время для разговора на эту тему. Тяжелое чувство вины, которое он уже испытывал, вдруг будто потяжелело на несколько килограммов, и он поднял глаза к потолку, смахнув набежавшие слезы. Ник почти не плакал с тех пор, как случилась трагедия, но время от времени печаль заставляла его врасплох.

– Там будет Миранда? – спросила Тиа, прервав его мысли.

– Думаю, да.

– Хорошо.

Несмотря на чувства, Ник улыбнулся.

– Почему «хорошо»?

– Ты ей нравишься. – Тиа развернулась на коляске лицом к нему. Ник пожал плечами.

– Сомневаюсь, – сказал он, хотя знал: Тиа была права.

– Любит, – настаивала его сестра.

– Нет никакой разницы, любит или не любит, – заметил Ник, понимая, к чему приведет этот разговор: они уже обсуждали это ранее.

– Тебе нужно снова начать ходить на свидания. Все работа да работа... – Она прервалась с язвительной улыбкой.

– Меня не интересуют свидания, – твердо сказал он. Это была правда, он не был заинтересован – у него была карьера, и она занимала большую часть его времени. Ник старательно игнорировал тот факт, что до несчастного случая с Тиа он часто общался с противоположным полом, и карьера не мешала ему наслаждаться женским обществом.

– А должны бы, – заявила Тиа.

– Нет, – настала его очередь отвечать односложно.

Она покачала головой и положила руки на колеса кресла, ее рот превратился в тонкую линию. Ник отступил в сторону, чтобы дать ей проехать, увидел замкнутое выражение на лице сестры и задался вопросом, что он сказал, чтобы расстроить ее. Безусловно, если он не хочет встречаться с девушкой – это его личное дело?

Он смотрел, как она уезжает, нахмутив брови. У него было чувство, что есть еще одна причина плохого настроения сестры, и он намеревался выяснить, какая именно.

Глава 12

Уличная барахолка «из багажника» была огромной. Стиви стояла у входа на поле и ози-
ралась вокруг со смесью волнения и тревоги. Она должна была найти все необходимое здесь,
но ее беспокоило, что она не сможет осмотреть все и пропустит нечто изысканное.

Ничего не поделаешь, им с Карен придется разделиться.

– Ты знаешь, что именно я ищу? – снова спросила Стиви, наверное, в двадцать шестой
раз, и Карен закатила глаза.

– Все милое, несочетаемое, старомодное – я поняла, – сказала Карен. – Ты ведь понима-
ешь, что ничего из вышеперечисленного нельзя будет засунуть в посудомоечную машину?

Стиви вздохнула.

– Знаю, но я представляю себе цветочные чайные чашки и крошечные серебряные щипцы
для сахара, и настоящие льняные салфетки, а не эти ужасные платочки.

Внезапно ее глаза наполнились слезами, и она сердито смахнула их, проведя руками
перед лицом.

– Извини, я просто немного... – Она не была точно уверена, почему плачет, но на мгно-
вение она почувствовала на своих плечах слишком тяжелый груз.

Карен придвинулась ближе и обняла ее.

– Иди сюда, глупышка. С тобой все будет хорошо, ты же знаешь. Это просто нервы перед
открытием. – Она погладила Стиви по спине.

– Но что, если я недостаточно хороша, или профессиональна, или... – фыркнула Стиви.

Она беспокоилась о том, что прохожая вбила ей в голову в тот день, подобно тому, как
ребенок расшатывает готовый выпасть зуб, и в тысячный раз подумывала о том, чтобы позво-
нить агенту по недвижимости. Ей действительно следовало задать еще несколько вопросов об
этом месте, прежде чем покупать его. Не то чтобы она жалела о покупке, нет, но было бы разум-
нее поинтересоваться, почему предыдущие владельцы продали его. Вероятно, ей также следо-
вало навести кое-какие справки для себя – например, на какую посещаемость она может рас-
считывать, как идут дела зимой и тому подобное. Разумные вопросы, те, которые задавали бы
серьезные деловые люди. Вместо этого она позволила своим чувствам взять верх над разумом
и по уши влюбилась и в кондитерскую, и в Танглвуд.

– Никаких сожалений, да? – сказала Карен, слегка отстранившись, чтобы посмотреть
Стиви в глаза. – У тебя все получится, я знаю. Как же иначе, если ты делаешь такие пирожные и
торты? Ты великолепный пекарь, а твои эклеры – лучшие из всех, что я когда-либо пробовала.

– Но в этом-то все и дело, – запричитала Стиви. – Я пекарь, а не бизнес-леди. Мое место
на кухне, а не за столом.

Карен легонько встряхнула ее и улыбнулась.

– У тебя вообще есть стол?

– Нет, но...

– Ты будешь сидеть перед своей духовкой. Двумя духовками. Большую часть времени.

– Да, но меня беспокоит, что я потеряю эту возможность. Я понятия не имею, как вести
бухгалтерию, или как свести баланс, или даже есть ли у меня нужная страховка.

– Помедленнее. По одному пункту зараз, да? Ты сохранила все чеки?

– Вроде бы да.

– Начало хорошее. Как насчет того, чтобы я приготовила нам сегодня ужин, а потом мы
устроимся с бутылкой чего-нибудь охлажденного и заведем электронную таблицу?

– Черт возьми, Карен, ты действительно знаешь, как повеселиться.

Стиви достала из сумки пачку салфеток и высморкалась.

– В любом случае ты не готовишь – готовлю я. Ты мой гость.

– Ерунда! У тебя и так много дел. – Карен обняла Стиви, и та прижалась к ней.

– Я так рада, что ты здесь, – сказала Стиви своей лучшей подруге. – И буду еще больше рада, если ты приготовишь лосося с кремом из хрена.

– Посмотрим, – сказала Карен с улыбкой.

– А соус из кресс-салата? – Стиви бросила на нее умоляющий взгляд.

– Клянусь, ты пригласила меня сюда только ради моих замечательных соусов, – сказала Карен, при этом рассмеявшись, и Стиви мысленно погрозила ей кулаком.

Карен была одним из лучших специалистов по соусам, которых Стиви знала, и ее рот уже наполнился слюной.

– Да, я протащила тебя сюда только из-за твоих кулинарных способностей, – поддразнила Стиви. – И ты согласилась приехать только потому, что я сказала, что мы пойдем по магазинам.

– Ты так хорошо меня знаешь! Хотя, должна сказать, я надеялась, что это будут туфли, а не чайники. – И с этими словами Карен ушла, сжимая в руках сумочку, полную денег, которую дала ей Стиви.

– Никаких туфель, – крикнула Стиви, и Карен, не оглядываясь, помахала рукой.

Стиви уже чувствовала себя лучше, несмотря на *кратковременную* потерю уверенности. У нее также был *кратковременный* недостаток средств, или он должен был наступить в ближайшее время, если она не будет осторожна. Стиви и так потратила непомерную сумму, и ей нужно было купить еще многое, но она лелеяла надежду, что на этом блошином рынке она сможет купить почти все, не выкладывая слишком много денег.

О, посмотрите, здесь есть прилавок, где продается много фарфора. Стиви подошла к нему, стараясь выглядеть непринужденно, но ее глаза загорелись, когда она увидела изящно украшенный нож для торта из костяного фарфора с серебряным лезвием, на котором был вырезан замысловатый узор. Это была именно та вещь, которую она искала, и она принялась торговаться, совершая первую покупку за день.

К тому времени, когда она встретила с Карен у входа, она была более чем готова к пончикам и кофе из ближайшего киоска.

Карен была вне себя от возбуждения и нагружена множеством пакетов, которые она держала с большей осторожностью, чем если бы в них находились драгоценности короны.

– Может, отнесем все это в машину, а потом побалуем себя кофе? – предложила Стиви.

– Сначала я должна показать тебе кое-что. Пожалуйста, позволь мне показать тебе. Одна женщина продает вещи своей бабушки, коробки и шкатулки с вещами. Старушка умерла, и внучка осталась наводить в доме порядок. – Карен практически перепрыгивала с ноги на ногу. – О, мне действительно нравится тратить чужие деньги, – заявила она с огромной ухмылкой.

Карен открыла один из пакетов, и на свет показалось множество свертков из газетной бумаги, в какую обычно заворачивают посылки. Осторожно она взяла один из них и развернула, показывая пару подходящих друг другу горшочков для соли и перца. Они были в форме собак.

– Их было много, все разные, поэтому я купила двадцать комплектов, по одному на каждый стол, и несколько запасных на всякий случай. У меня есть маленькие кастрюльки с крышками и шумовки, маленькие кувшинчики и... уф!

Стиви обняла Карен и закружила ее по кругу, их объемистые сумки лежали на траве между ними.

– Я люблю тебя! – кричала она.

– Знаю. Я хорошая, не так ли? – ответила Карен. – Давай вернемся к машине и посмотрим, что у нас уже есть и что тебе еще нужно, а потом выпьем кофе.

– Хорошая идея.

Стиви была как ребенок в рождественское утро, когда Карен разворачивала каждый предмет, а Стиви вычеркивала его из списка. Подруги положили отличное начало, и после

быстрой остановки на перекус Карен повела ее через лабиринт припаркованных машин и фургонов, пока они не подошли к тому, что она хотела ей показать.

– Чайники! – воскликнула Стиви и в восторге потерла руки. Здесь были изящные фарфоровые, прочные и практичные, необычные...

Она решила взять фарфоровые и выбрала несколько, которые, по ее мнению, могли бы подойти. Стиви представила себе типичного покупателя средних лет, немного привередливого, любителя, чтобы все было как надо, – и ей показалось, что чайники будут очень кстати.

Через пару прилавков она купила сборную солянку из тарелок разных размеров, а Карен отправила на поиски подставок для тортов. Ей просто необходимо было иметь подставки для тортов, много подставок. И скатерти. Пегги настаивала на скатерти, и, хотя это означало, что стиральная машина будет работать круглосуточно, Стиви видела в этом особую привлекательность.

Она стремилась к викторианско-эдвардианскому стилю (она не была уверена, к какому больше). Когда Стиви подумала о том, как хотела бы, чтобы выглядела кондитерская, когда она будет полностью укомплектована, в голову пришло видение послеобеденного чая, за которым сидели дамы в длинных белых платьях с высокими воротниками, где джентльмены всегда придерживали стулья, а женщины не забывали прихватить с собой кружевной платочек. Что-то, что было бы уместно в постановке «Гордости и предубеждения» (хотя она подозревала, что это могла быть эпоха Регентства – или Георгианская?). Она хотела, чтобы ее клиенты чувствовали себя так, будто они вернулись в прошлое, в более благородную, цивилизованную эпоху, где выпить чашку чая и съесть пирожное и кусочек торта было событием, которым нужно наслаждаться, – полная противоположность сэндвичам «Грегг». Не то чтобы Стиви имела что-то против этих сэндвичей (она не имела и в свое время съела их немало), но она стремилась к другому концу рынка общественного питания.

– Мы закончили? – Карен появилась над ее локтем с очередными пакетами, и они вдвоем, пошатываясь, вернулись к машине.

«Жук» был забит разными пакетами под завязку. Изловчившись, Карен все же удалось протиснуться на пассажирское сиденье, чтобы доехать домой. К тому времени, как они разгрузили машину, подруги прилично устали.

– Если бы я знала, что работы будет так много, я бы, возможно, что-то переиграла, – сказала Стиви. – Я хочу открыться в следующие выходные, но я еще не готова.

– Ты готова, – твердо ответила Карен. – Хотя если бы я знала, что буду вьючной лошадкой, то, возможно, осталась бы в Лондоне.

Она толкнула Стиви локтем, чтобы показать, что шутит, и Стиви толкнула ее в ответ, внезапно снова расплакавшись. Как она собирается справляться одна, в глуши, без друзей или семьи?

Хотя, когда Стиви распаковала вещи, постирала, нашла место для всего, что нужно, и отошла, чтобы полюбоваться чайным магазином, она начала чувствовать себя немного оптимистичнее. Место действительно выглядело великолепно. Правда, не хватало нескольких мелочей, но это она сможет сделать в ближайшие несколько дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.